



Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»  
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work  
Kama Institute of Humanities and engineering technologies  
Penza State Technological University  
New Bulgarian University

## **SOCIETY, CULTURE, PERSONALITY IN MODERN WORLD**

Materials of the X international scientific conference  
on February 16–17, 2020

Prague  
2020

**Society, culture, personality in modern world:** materials of the X international scientific conference on February 16–17, 2020. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – 56 p. – ISBN 978-80-7526-449-7

#### **ORGANISING COMMITTEE:**

**Nataliya Khristova**, doctor of history, assistant professor of history and theory of culture of the department of art history and cultural history of the New Bulgarian University.

**Bozhena Ivanovska**, Ph.D., Dean of the Faculty of Philology, School of Tourism and Foreign Languages (Poland).

**Nicholay V. Mityukov**, doctor of technical sciences, professor of the Kama Institute of Humanities and engineering technologies.

**Victor G. Galushko**, candidate of philosophical sciences, assistant professor, head of department of philosophy, cultural studies and foreign languages at St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work.

**Natalia V. Osipova**, candidate of sociological sciences, assistant professor of Penza State Technological University.

*Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.*

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines society, culture, personality in modern world. Some articles deal with evolution of society as the system. A number of articles are covered social interaction and relationships in traditional, industrial and information society. Some articles are devoted to socio-economic and socio-cultural aspects of globalization. Authors are also interested in spiritual, moral and aesthetic aspects of culture.

**UDC 316.32+008+159.922**

**ISBN 978-80-7526-449-7**

© Vědecko vydavatelské centrum  
«Sociosféra-CZ», 2020.  
© Group of authors, 2020.

# CONTENTS



## I. THE THEORETICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF SOCIETY: THE PARADIGM OF THE PAST AND PRESENT

**Кукарников Д. Г.**

History research methodology in the works of Max Weber.....5

## II. THE EXPERIENCE, PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

**Андриенко О. А.**

Всероссийское детско-юношеское движение «Юнармия» и его роль  
в формировании патриотизма у подрастающего поколения ..... 10

## III. SOCIO-ECONOMIC AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF GLOBALIZATION

**Султонова С. Ю.**

Технологический терроризм – как угроза современному миру..... 14

## IV. CULTURE AS POLYSEMANTIC CONCEPT AND AS THE PHENOMENON OF “BLOOMING COMPLEXITY”

**Амонова Ф. Ф.**

К вопросу о генезисе языкознания в Древней Греции..... 18

**Артеменко Я. И.**

Визуальность и визуализация в перспективе «текучей современности» ... 21

## V. THE SPIRITUAL, MORAL AND AESTHETIC ASPECTS OF CULTURE

**Выдрина Н. А.**

Приобщение школьников к нравственному содержанию пьесы  
А. П. Чехова «Чайка» ..... 25

## VI. SCIENCE AND EDUCATION AS INSTITUTIONS OF CULTURE AND SOCIALIZATION

**Кирьякова В. С.**

Интеграция школьного обучения и культуры (из опыта работы) .....34

**Степурина И. С., Стройкова Ю. С.**

Образование как социальный институт .....37

## VII. PERSONAL ROLE IN SOCIO-CULTURAL REALITY: ACTUAL AND POSSIBLE

**Крохина Н. П.**

Человек и история в романе Ел. Чижовой

«Город, написанный по памяти» .....40

**Нефедкина М. П.**

Актуальные проблемы принятия решений единственным участником,

осуществляющим полномочия исполнительного органа.....48

План международных конференций, проводимых вузами России,

Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,

Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum

«Sociosféra-CZ» в 2020 году .....51

Информация о научных журналах ..... 53

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské

centrum «Sociosféra-CZ»..... 54

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» ..... 55



# I. THE THEORETICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF SOCIETY: THE PARADIGM OF THE PAST AND PRESENT



## HISTORY RESEARCH METHODOLOGY IN THE WORKS OF MAX WEBER<sup>1</sup>

**D. G. Kukarnikov**

*Head of the History of Philosophy  
and Culture Department, PhD,  
associate professor,  
Voronezh State University,  
Voronezh, Russia*

---

**Summary.** The article explores the relationship between historical and sociological approaches in the concept of Max Weber. Based on an analysis of the content of the basic sociological concepts that he uses (“ideal type”, “social action”, “understanding” sociology, “rationalization”, “methodological individualism”), the author concludes that the foundation for Weber’s socio-historical views are general epistemological and methodological principles of his sociology. But their ambiguity led to the contradictory views of the German sociologist, regarding the nature of historical development.

**Keywords:** ideal type; social action; affective action; traditional action; value-rational action; purposive-rational action; “understanding” sociology; rationalization; methodological individualism; protestantism; industrial society.

---

Max Weber (1864–1920), a German economist, historian and eminent sociologist, is often called in the West the «great bourgeois antipode of Karl Marx» or even the «Marx of the bourgeoisie». His innovative works are characterized first of all by a deep penetration into the subject of research, the search for the initial, basic elements with which one could come to understand the laws of social development.

The main tool of generalizing the diversity of empirical reality, in Weber's opinion, is the concept of «ideal type». The «ideal type» is not simply extracted from empirical reality, but constructed as a theoretical model, and only then correlated with empirical reality. For example, the concepts of «economic exchange», «capitalism», «craft», etc. are only ideally typical constructions used as a means to depict historical formations. Unlike history, where specific events localized in space and in time are explained causally (causal genetic types), the task of sociology is to establish general rules for the development of events

---

<sup>1</sup> Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00406.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00406 «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого».

without regard to the spatio-temporal definition of these events. As a result, we obtain pure (general) ideal types.

Sociology, according to Weber, should be «understanding» – since the actions of the individual, «the subject» of social relations, are meaningful. And meaningful (supposed) actions, relationships contribute to the understanding (prediction) of their consequences.

One of the central points of Weber's theory is the selection of an elementary particle of an individual's behavior in society – social action, which is the cause and effect of a system of complex relationships between people. «Not all types of relationships between people are social in nature; socially, only that action, which in its meaning is focused on the behavior of others» [3, p. 625]. Social action is always correlated by the meaning assumed by its subject with the behavior of other persons and is oriented towards them. Or, in the words of Weber himself, this is an action «which, in its implied acting or acting sense, is correlated with the behavior of other people and is guided by it in its course» [4, p. 68].

The scientist identifies four types of social action:

1. Traditional action – is formed on the basis of imitation of certain patterns of behavior (based on the strength of habit, accepted norm, etc.), «often this is only an automatic reaction to habitual irritation in the direction of the once assimilated installation» [3, p. 627].

2. Affective action due to affects or emotional state of an individual. «A purely affective action is also on the border and often beyond what is “meaningful”, consciously oriented, – Weber writes, – it can be an unobtrusive response to a completely unusual irritation» [3, p. 627].

In the strict sense, affective and traditional actions are not social. Weber takes them beyond meaningfulness, because in these cases, the acting subject in his motivation does not rely on an individual (subjective) meaning [2, p. 53]. According to P. P. Gaidenko, «only the value-rational and purposive-rational actions present themselves as the social actions in the Weberian meaning of the word» [1, p. 20].

3. The third type of social action is value-rational. «The value-rational orientation of an action differs from affective behavior by the conscious determination of its orientation and the successively planned orientation to it» [3, p. 627]. The main thing here is not a spontaneous reaction aimed at immediately satisfying the need for something (enjoyment, revenge, possession), but focusing on certain «commandments» or «requirements», in obedience to which the given individual sees his duty, despite for possible consequences. Value-rational action is always associated with certain values (ethical, religious, aesthetic, etc.), which seem to be extremely important for the individual.

4. To the greatest extent, the concept of an ideal type corresponds to a purposive-rational action, all the elements and stages of which are penetrated by the thoughtful and agreed meanings of the actor; it involves a clear awareness of the goal, correlated with rationally meaningful means of achieving it. «That in-

dividual acts purposefully, – Weber supposes, – whose behavior is focused on the goal, means and side effects of his actions, who rationally consider the relationship of means to the goal and side results, and finally, the relationship of possible goals to each other, that is, in any case, not affectively (primarily not emotionally) and not traditionally» [3, p. 629]. The semantic conditionality of the goal by the motive, the consistency of the goal and the means of its achievement become the measure of the rational nature of the activity, and the purposeful activity itself acts as a supreme standard of rationality.

Weber deliberately arranged the four types of social action described above in order of increasing degree of rationality. This order, on the one hand, serves as a kind of methodological technique for explaining the different nature of the subjective motivation of an individual or group, without which one cannot speak about an action focused on others; he calls motivation «expectation»; without it, action cannot be regarded as social. On the other hand (and Weber was convinced of this), the rationalization of social action is at the same time a tendency in the historical process. And although this process proceeds not without difficulties, various obstacles and deviations, the European history of recent centuries, the involvement of other, non-European civilizations on the path of industrialization, according to Weber, testify that rationalization is a world-historical process. «One of the essential components of the rationalization of an action is the replacement of internal adherence to habitual mores and customs with a planned adaptation to considerations of interest. Of course, this process does not exhaust the concept of “rationalization” of the action, because the latter can proceed, moreover, positively – in the direction of conscious value rationalization – and negatively – not only due to the destruction of morals, but also due to the suppression of affective action and, finally, due to the suppression of value-rational behavior in favor of purely rational behavior, in which one no longer believes in value» [5, p. 558].

Max Weber upholds an individualistic approach to social action, understanding the latter as the result of the actions of individuals who are directed in relation to each other in a specific way. Such an action can be considered either as a set of means used to achieve certain practical goals, or as the realization of certain final values, or as a combination of one and the other. Action must be understood in the meaning that is assigned to it by individuals. Society is a collection of active individuals, each of whom strives to achieve their own goals. Rationalization acts as a form of development, or social progress, which is carried out within the framework of a certain pictures of the world, which are different in history.

Weber identifies the three most general types, three ways of relating to the world, in which the corresponding attitudes or vectors (directions) of people's life activity and their social action are enclosed. The first of them is connected with Confucianism and Daoism religious and philosophical views, which have spread in China; the second is connected with Hindu and Buddhist ideas, common in India; the third – with the Jewish and Christian images, which originated

in the Middle East and then spread in Europe and America. Weber defines the first type as an adaptation to the world, the second as an escape from the world, and the third as a mastering of the world. The directions of subsequent rationalization are given by these different types of attitude and lifestyle, which determines the direction of the various ways of historical development.

Rationalization for Weber appears as the fate of Western civilization and of humanity as a whole. The growing role of the purposeful action from the point of view of the structure of society as a whole means a rationalization of the way of managing the economy: rationalized management in all areas of social life (in the field of economics, politics, science, culture) rationalized the way of thinking of people, as well as the way they feel and the way of life in general. All this is accompanied by increasing the social role of science, which, according to Weber, is the purest embodiment of the principle of rationality. Science penetrates primarily in production, and then in management, and finally, also in everyday life – in this, Weber sees one of the evidence of the universal rationalization of modern society.

Rationalization, according to Weber, is the result of a combination of a number of historical factors that predetermined the direction of development of Europe over the past 300–400 years. This is not something predetermined, but also not the result of a simple set of circumstances. It so happened that at a certain time period in a certain region of the world several phenomena met that carried a rational beginning: ancient science (especially mathematics, supplemented by the Renaissance experiment and later acquired the character of experimental science, internally related to technology); rational Roman law, which the former types of society did not know and which received its further development in Europe during the Middle Ages; a rational way of farming, arising from the separation of labor from the means of production (the emergence of «abstract labor», accessible to quantitative measurement) [1, p. 23].

In Weber's terms, the factor that made it possible to synthesize all these elements turned out to be Protestantism, which created ideological preconditions for implementing a rational way of managing the economy (primarily for introducing the achievements of science into the economy and turning it into a direct productive force), since economic success was elevated by Protestant ethics to a religious vocation. As a result, a new type of society (never before existing, and therefore having no analogues in history) appeared in Europe for the first time – industrial.

Weber calls all pre-existing types of societies, unlike contemporary ones, traditional, the most important sign of which is the lack of dominance of a formal-rational beginning in them. The concept of «traditional society» covers a huge historical era – from a patriarchal clan society with a dominant mythological formation to the end of the feudal period, which was characterized by the dominance of subsistence farming, the division of society into estates with sufficiently strict privileges (including legal), inter-divisions, monarchical hereditary power.

Weber considered the behavior of the individual in the economic sphere to be the purest empirical model of the purposeful action. It is no coincidence that he usually gives examples of purposeful action from this sphere (exchange of goods, competition in the market, stock exchange game, etc.). Accordingly, when it comes to traditional societies, he notes that the purposeful type of action there occurs mainly in the economic sphere. Thus the question of the historical fate of capitalism was predestined by both Weber's methodological individualism and his understanding of social action.

### **Bibliography**

1. Gaidenko P. P. Sociology of M. Weber // Weber M. Elect. works. Preface. – M. : Progress, 1990. – 808 p. (Sociological thought of the West). – P. 5-42.
2. Kravets A. S. Understanding the meaning of social action. – Voronezh : Publishing and Printing center of Voronezh State University, 2008. – 302 p.
3. Weber M. Basic sociological concepts // Weber M. Elect. works: Comp., total. ed. and after Yu. N. Davydov; Preface P. P. Gaidenko. – M. : Progress, 1990. – 808 p. – (Sociological thought of the West). – P. 602-643.
4. Weber M. Economy and Society: Essays in Understanding Sociology: in 4 volumes / T. 1. Sociology. – M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – 445 p.
5. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. – Tübingen, 1951. – 596 s.



## II. THE EXPERIENCE, PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY



### ВСЕРОССИЙСКОЕ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ «ЮНАРМИЯ» И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА У ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

О. А. Андриенко

*Кандидат педагогических наук,  
Орский гуманитарно-технологический  
институт (филиал) ОГУ,  
г. Орск, Оренбургская область, Россия*

---

**Summary.** This article is devoted to the role of the all-Russian youth movement "Unarmia" in the formation of patriotism among the younger generation.

**Keywords:** patriotism; military-Patriotic education; Unarme; youth.

---

В настоящее время государственное и военное руководство России как никогда осознает актуальность и значимость патриотического воспитания современной молодежи в целях эффективного обеспечения национальной безопасности государства. Различные управленческие структуры продолжают совершенствовать свою планомерную и методичную деятельность, направленную на формирование уважения к символам государства и Отечества, героическому прошлому страны [5].

Одной из самых главных воспитательных задач любого государства является воспитание полноценного гражданина-патриота. Главными помощниками государства в данном направлении деятельности являются образовательные и социально-культурные учреждения, осуществляющие программы и планы по гражданско-патриотическому и военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения [7].

Заметим, что важнейшей составной частью воспитательного процесса в современной российской школе является формирование патриотизма и культуры межнациональных отношений, которые имеют огромное значение в социально-гражданском и духовном развитии личности ученика. Только на основе возвышающих чувств патриотизма и национальных святынь укрепляется любовь к Родине, появляется чувство ответственности за ее могущество, честь и независимость, сохранение материальных и духовных ценностей общества, развивается достоинство личности [2].

Цель нашей работы – изучить роль общественного движения «Юнармия» в формировании патриотизма у подрастающего поколения.

Объект исследования: патриотическое воспитание обучающихся.

Предмет исследования: патриотическое воспитание подрастающего поколения средствами общественного движения «Юнармия».

Проведя анализ различного рода справочной и научной литературы по проблеме исследования, были выделены следующие определения понятия «патриотизм». Так, словарь С. И. Ожегова дает следующее определение: «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [4]; философский словарь: «любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам» [6]; педагогический энциклопедический словарь: «любовь к отечеству, к родной земле, к своей культурной среде» [1]; энциклопедический словарь по политологии определяет патриотизм, как эмоциональное отношение к родине, выражающееся в готовности служить ей и защищать ее от врагов.

Анализ данных определений приводит к тому, что патриотизм рассматривается и как принцип, и как чувство, и как обязанность, и как готовность (психологическая), и как идея, и как сознание.

В настоящее время в формировании патриотических чувств молодежи играют огромную роль различные общественные движения, одним из которых является «Юнармия» – Всероссийское военно-патриотическое движение, созданное в 2016 году и направленное на всестороннее развитие нравственного воспитания граждан России с восьмилетнего возраста.

Учредительным собранием движения «Юнармия» 28 мая 2016 г. был утвержден Устав организации, который определил ее основные цели и задачи в деле патриотического воспитания молодежи.

Предметом и целями движения является:

- 1) участие в реализации государственной молодежной политики Российской Федерации;
- 2) всестороннее развитие и совершенствование личности детей и подростков, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании;
- 3) повышение в обществе авторитета и престижа военной службы;
- 4) сохранение и приумножение патриотических традиций;
- 5) формирование у молодежи готовности и практической способности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите Отечества [8].

Для достижения целей движение решает следующие задачи: воспитание у молодежи высокой гражданско-социальной активности, патриотизма, приверженности идеям интернационализма, противодействия идеологии экстремизма; изучение истории страны и военно-исторического наследия Отечества, развитие краеведения, расширение знаний об истории и выдающихся людях «малой» Родины; развитие в молодежной среде ответственности, принципов коллективизма, системы нравственных установок личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей; формирование положительной мотивации у молодых людей к прохождению военной службы и подготовке юношей к службе в Вооруженных Силах Российской Федерации; укрепление физической закалки и физической выносливости; активное приобщение молодежи к военно-

техническим знаниям и техническому творчеству; развитие материально-технической базы движения [8].

Аналитическая работа деятельности Юнармии выявляет, что поставленные задачи решаются такими средствами, как: организация юнармейских летних военно-спортивных лагерей, проведение военно-спортивных соревнований, вахт памяти по поисковой работе в местах боев Великой Отечественной войны, уроков мужества с юнармейцами, исторических олимпиад для юнармейцев, организация юнармейских постов у мемориалов Воинской Славы, юнармейской помощи ветеранам, волонтерская деятельность, участие юнармейцев в ликвидации чрезвычайных ситуаций; исторические реконструкции с участием юнармейцев [3].

Вступить в данное движение может любой желающий. Участие в Движении осуществляется на основании письменного заявления гражданина с согласием его законных представителей (для несовершеннолетних членов) и оформляется решением Местного, Регионального отделения или Главного штаба Движения на ближайших заседаниях простым большинством голосов от количества присутствующих на заседании, с постановкой на учет в Региональном, Местном отделении Движения. Участие в Движении и выход из него является добровольным. Все активности, лекции, мастер-классы, мероприятия проходят в свободное от учебы время.

«Юнармия» действует в России и получила распространение в 85 субъектах Российской Федерации. Численность юнармейцев на сегодняшний день достигает более 600 тысяч человек. Данные цифры могут выступать показателем того, что многие представители молодежи всерьез задумываются о своем будущем и о том, в каком государстве они будут жить. Все это действительно может отразиться на развитии страны, поскольку на данный момент от юного поколения в некоторой мере зависит наше дальнейшее будущее.

Таким образом, «Юнармия» – это одна из базовых составляющих военно-патриотического воспитания в рамках государственной образовательной политики по военно-патриотическому воспитанию молодежи, имеющей большие перспективы в воспитании граждан России.

### **Библиографический список**

1. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. – М., 2002.
2. Габдрафикова Л.С., Пантелева Л.А., Муравлева В.В. Патриотическое воспитание как направление духовно- нравственного воспитания детей и молодежи // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. – 2009. – № 1. – С. 63-65.
3. Гранкин В.Е. Анализ государственной образовательной политики по военно-патриотическому воспитанию молодежи на примере движения «Юнармия» // Политика, экономика и инновации. – 2017. – № 5 (15). – С. 2.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

5. Степанова Е.Е., Барановский М.В. опыт социологического исследования детско-юношеских военно-патриотических организаций: на примере всероссийского общественного движения «Юнармия» // Военный академический журнал. – 2017. – № 1 (13). – С. 113-118.
6. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.
7. Чавыкина У.Г., Комлева А.А. Проблема гражданского и патриотического воспитания в центрах патриотического воспитания молодежи / Актуальные вопросы социальной педагогики и психологии: теория и практика: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 210-213.
8. Юнармия. Всероссийское военно-патриотическое движение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yunarmy.ru>



### III. SOCIO-ECONOMIC AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF GLOBALIZATION



#### ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ – КАК УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ МИРУ

С. Ю. Султонова

*Старший преподаватель,  
Самаркандский государственный  
институт иностранных языков,  
г. Самарканд, Узбекистан*

---

**Summary.** Terrorism-one of the form occurrence social conflict. This article discusses the study of modern types of terrorism. All types of technological terrorism are analyzed. The article specifically indicates that all forms of terrorism using weapons of mass destruction is one of the most serious threats to all humanity.

**Keywords:** terrorism; science-technological process; technological terrorism; cyber terrorism; radiation terrorism; extremism.

---

С середины XX века все чаще встречается технологический терроризм, для него характерны террористические акты, исполнение которых требует знаний и навыков узкой специализации. Научно-технический прогресс и его достижения вызывал и вызывает острый интерес у террористических группировок, потому что террористические акты технологического характера «способны вызвать чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера», многочисленные жертвы людей, нарушения условий природной среды, а также «нанесение в крупных размерах материального и морального ущерба населению, возникновение обстановки напряженности страха» [1, с. 173].

Технологический терроризм имеет такие виды – информационный терроризм (его формы – информационно-психологический терроризм и кибернетический терроризм), радиоэлектронный и электромагнитный терроризм, терроризм с применением оружия массового поражения (его формы – радиационный, химический и биологический терроризм).

Применение информационно-психологического терроризма ведется с целью устрашения, подавления воли к сопротивлению, например, нацистами против советских войск противника с помощью включения воя сирен, расположенных на пикирующем бомбардировщике Ju-87.

Кибернетический терроризм является одним из самых эффективных видов терроризма, потому что в современном мире легок доступ экстремистов к сети Интернет. «Киберпреступность получила широкое распространение» и наблюдается ее «бурный рост» в последнее время [2, с. 44]. Кибертерроризм реализуется при помощи специальных программ-вирусов,

выводящих из строя или нарушающих функционирование компьютерных сетей [3, с. 178], в первую очередь сеть Интернет. Примеры такой террористической атаки – попытки массовых использований компьютерных вирусов с целью заблокировать работу банков фондовых бирж на всей территории России. Радиоэлектронный терроризм и электромагнитный терроризм, могут быть применены с целью вывода из строя или разрушения компьютерных сетей (в том числе систем жизнеобеспечения городов и иных населенных пунктов, объектов повышенной технологической и экологической опасности), центров, передающих и принимающих радио- и телеинформацию. Примером радиоэлектронного терроризма может быть вывод из строя телецентра или спутника, следствием электромагнитного терроризма может стать массовая гибель людей при подрыве поезда или аварии на атомной электростанции. Терроризм с применением оружия массового поражения является одной из наиболее серьезных угроз, и не только отдельным государствам, современному человечеству. Число террористических организаций не сокращается, а вероятность их доступа к оружию массового поражения (или к технологиям его изготовления и использования) в последнее время стала заметно больше. Как отмечает В. В. Татаринов: «на современном этапе опасность использования радиоактивных, химических и биологических (РХБ) веществ в террористических целях будет возрастать» [4, с. 44].

Радиационный терроризм связан с применением расщепляющихся материалов, используемых в ядерном оружии, а также радиоактивных источников большой мощности. Высока вероятность применения этого вида терроризма для устрашения широких слоев населения серией посредством угроз убийств (или их совершения) политических лидеров и государственных деятелей. В частности, так США при помощи небольшого источника радиации пытались убить лидера социалистической Кубы Ф. Кастро.

Химический терроризм отличает применение отравляющих веществ как против политиков и государственных служащих, так и против большого числа людей. Например, секта «Аум сенрику» применила ядовитый газ в метрополитене Токио во имя дестабилизации обстановке в Японии. Актом химического терроризма против мирного населения Вьетнама является массированное использование США отравляющих веществ во время войны с Северным Вьетнамом и борьбы против движения «Вьетконг».

Применение биологического терроризма связано с провоцированием эпидемий и эпизоотий в целях устрашения населения и подрыва авторитета государственной власти. С такой целью вызова эпидемии террористы рассылали чиновникам США по почте пакеты со спорами сибирской язвы. В качестве актов биологического терроризма, нацеленного на создание эпизоотии, можно рассматривать скрытые поставки в Российскую Федерацию свинины, зараженной африканской чумой.

Исследование онтологических оснований терроризма, связанных с ними гносеологических установок террористов, а также видов терроризма,

дает возможность выделить аксиологические составляющие и причины терроризма. К первой из них относится то, что М. Бубер назвал выбором и признанием в качестве ценности «монологической жизни». Человек, живущий монологически, не стремится к равноправной коммуникации с тем, чем он не является. Он «неспособен воспринять общество» во всем его многообразии [5, с. 141] и это потому, что он предпочитает свою точку зрения, как наиболее ценную, лучшую, все остальным точкам зрения, как менее ценным, худшим. Вследствие этого он воспринимает людей с другим мировоззрением лишь исключительно в качестве объектов монологического воздействия [6, с. 256] – диктата или насилия. Если его убеждения не воспринимаются другими людьми одобрительно, это вызывает у человека, ведущего «монологическую жизнь», в лучшем случае раздражение, а в худшем – гнев, озлобление. Эти гнев и озлобление обычно и являются основными эмоциями террористов по отношению ко всем людям, не согласным с их мировоззрением. Недаром боевики «Хамаз» убеждены в том, что «Неверные понимают только один язык – это язык «калашникова» [7, с. 55].

Террористы наделяют «монологическую жизнь ценностным» статусом потому, что им присущ аксиологический объективизм – вера в бытие неизменных и универсально значимых ценностей, ими провозглашаются ценности, на которые ориентируются эти террористы. На этой вере порождаются террористические идеологии: их последователи «прибегают к тем или иным ложным, суррогатным идеям», наполненным деструктивным содержанием, пытаясь, ориентируясь на них как на ценности, «понять смысл жизни общества» и своей собственной жизни [8, с. 240]. Как отмечает Р. Барт, любая идеология призвана создавать перевернутые образы, исказить восприятие окружающей исторической действительности [9, с. 304–305]. И, как видится, это наблюдение в первую очередь справедливо для террористической идеологии, так как ее приверженцы убеждены в том, что есть лишь одна абсолютная истина, и что эта истина открыта только им.

Потому террористы никогда не согласятся со справедливым наблюдением П. А. Сорокина, по которому никогда в истории человечества одна совокупность представлений о ценностях не имела, не имеет, и не будет иметь безраздельного господства [10, с. 433–434]. Стремление к такому господству – лейтмотив деятельности террористов (здесь не имеются в виду те, кто цинично зарабатывает участием в терроре).

При этом терроризм неоднозначно соотносится с феноменом экстремизма. На первый взгляд, это странно, ведь никто не сомневается в том, что экстремизм является приверженностью отдельных лиц, социальных групп и организаций «к крайним взглядам, позициям и мерам в социально-политической деятельности [11, с. 88]. Не вызывает сомнений и то, что экстремистская деятельность угрожает основам конституционного строя и безопасности государства, правам, свободам и законным интересам его граждан. Формы осуществления экстремистской деятельности могут быть

самыми разными – от провокаций со сторон отдельных физических лиц, до общественно опасных выступлений целых социальных групп и организаций. Цели данной деятельности также крайне разнообразны – это как возбуждение розни (национальной, расовой, религиозной или социальной), так и пропаганда идей, обосновывающих эту рознь (неполноценности, превосходства или исключительности человека по признаку его национальной, расовой или языковой принадлежности, а также его религиозных убеждений). Проблема заключается в том, с одной стороны, «терроризм – наиболее опасная разновидность экстремизма», с другой стороны, нельзя не заметить, что многие формы экстремизма выступают в роли предтечи терроризма.

С. И. Чудинов не без оснований отмечает, что «экстремизм», как и «терроризм», – понятие, имеющее длительную историю смысловых метаморфоз и двусмысленность исходного значения [12, с. 76]. Как видится, выход из этого положения – в осмыслении феномена, связанного как с терроризмом, так и с экстремизмом – радикализма.

#### Библиографический список

1. Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. М.: Кучково поле, 2011. С. 173.
2. Чекунов И.Г., Шумов Р.Н. Современное состояние киберпреступности в Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 10. С. 44.
3. Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. М.: Кучково поле, 2011. С. 178.
4. Татаринцов В.В. Радиационный, химический и биологический терроризм // ОБЖ. Основы безопасности жизни. 2013. № 12. С. 44.
5. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 141.
6. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М.: Весь мир, 2008. С. 256.
7. Иванов И.Е. Психология терроризма. Предупреждение и пресечение террористических актов. СПб.: Камея, 2005. С. 55.
8. Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. М.: Кучково поле, 2011. С. 240.
9. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. С. 304-305.
10. Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С.433-434.
11. Петрищев В.Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. М.: КРАС АНД, 2013. С. 88.
12. Чудинов С.И. Экстремизм: теоретико-методологические проблемы интерпретации [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://www.sibstutis.ru/publications/Eurasia-01.pdf> (дата обращения: 03.02.2018).



## IV. CULTURE AS POLYSEMANTIC CONCEPT AND AS THE PHENOMENON OF “BLOOMING COMPLEXITY”



### К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Ф. Ф. Амонова

*Магистрант,  
Самаркандский государственный  
институт иностранных языков,  
г. Самарканд, Узбекистан*

---

**Summary.** This article is devoted to the analysis of the genesis of linguistics as a science in ancient Greece. The problems of linguistics in the works of Plato, Aristotle and the school of Stoics, which laid the foundations for the formation and development of grammar and philology, are investigated. The views of ancient Greek thinkers on the essence and nature of linguistic units and their characteristics are highlighted.

**Keywords:** language; writing; culture; Homer; Hesiod; Plato; Aristotle; Stoics; verb; name; cases; grammar.

---

Интенсивное развитие письменности повлекло за собой столь же быстрое развитие философии, поэтического искусства, языкознания и это было большим прогрессом в развитии социальной жизни и культуры народов мира. Культура древних народов мира имела взаимопроникающую связь, обогащая духовный мир других народов и обогащаясь достояниями этих народов сама.

Древнегреческие города-государства явились очагами появления и развития великой культуры, которая создала греческий алфавит, основанный на финикийском письме. Значительный вклад в развитие древнегреческого языкознания внесли поэты и мыслители Гомер и Гесиод, которые отводили особое место взаимосвязи слов и предметов окружающей действительности. Этимология слов являлась источником постижения сущности предметов и явлений действительности. Споры вокруг сущности имен имели своим следствием возникновение в VI–V веках до нашей эры в Древней Греции философии языка, зачатков филологической науки, становлению науки об искусном владении ораторским искусством – риторике. Основным принципом обучения языкам является чтение и анализ классической поэзии, делается первая попытка по сбору и интерпретации «устаревших» и индиалектных слов, интенсивно изучается звуковая сущность языка, ее взаимосвязи с музыкальной теорией, ритмикой и интересом к акустике, разработанной Пифагором и его учениками [3, с. 11–20].

Большое влияние на становление и развитие философии языка внес древнегреческий философ Платон, который исследовал вопросы взаимосвязи имен и явлений, нашедших свое отражение в диалоге «Кратил». Платон является сторонником отдаленных связей слов и вещей, открывая внутреннюю сущность слов, разделяя их на мотивированные и немотивированные. Он является автором идей о связи отдельных звуков слов и свойствах вещей, иначе называя их идеей звукосимволизма. Взаимосвязь слов и предметов позднее закрепляется, по мнению Платона, традициями народа. Платон также делает попытку логически квалифицировать сами слова в языке. В свою очередь он выделяет имя и глагол. Именами у него обозначаются слова, про которые что-либо утверждается или отрицается (то есть имя существительное), а глагол в свою очередь обозначает то, что утверждается об этих словах, то есть выступает таким образом сказуемым.

Наиболее ярким представителем древнегреческого языкознания можно считать ученого и философа Аристотеля, который стоял у истоков античной науки о языке и его смысле. Отличительной стороной его подхода к исследованию языка является логический подход, что привело к развитию и совершенствованию классификации грамматических категорий языка. Исследуя природу человеческой речи, в своем труде «Поэтика», Аристотель отмечал: «Во всяком словесном изложении есть следующие части: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение» [2, с. 36]. Под элементом он понимает «неделимый звук, но не всякий, а такой, из которого может возникнуть разумное слово». Звук он определяет, как слог или слово. Различие между гласными и полугласными (согласными) Аристотель видит в «зависимости от формы рта, от места их образования, густым и тонким придыханием, долготой и краткостью и, кроме того, острым, тяжелым и средним ударением». Слогом же он считает звук, который не имеет автономной сущности, который может состоять из безгласных или гласных. Под союзом понимаются местоимения и артикли, являющиеся членами предложения, состоящие из звуков, не имеющих самостоятельного значения, «который не препятствует, но и не содействует составлению из нескольких звуков одного, имеющего значение. Он ставится и в начале, и в середине, если его нельзя поставить в начале предложения самостоятельно. Или это не имеющий самостоятельного значения звук, который может составить один, имеющий самостоятельное значение, из нескольких звуков, имеющих самостоятельное значение». Основными частями речи Аристотель считает также, как и Платон, имя и глагол. Но именем он уже обозначает звук, имеющий самостоятельное значение и не имеет временных рамок, часть которого не имеет никакого значения. Под глаголом же он понимает звук, имеющий самостоятельное значение, имеющее временной коридор, но отдельные его части также не имеют никакого смысла. Так, слово человек не имеет временных ориентиров, а слово пришел, идет понимаются во временных рамках действий. Имена и глаголы по

Аристотелю имеют падежи, объединяющие их косвенные формы и множественность, для примера: мужчине, люди, поешь, пой.

Именем по Аристотелю является слово в именительном падеже. Имена он делит по родам на мужской, женский и то, что между ними (то есть средний). Предложением Аристотель считает составные звуки, которые имеют самостоятельное значение и каждая из его частей в отдельности не теряет своей сути. В предложении имя и глагол чаще связываются союзами или связками, определяющими лишь их грамматическое значение.

Необходимо отметить, что Аристотель выразил одну из блестящих характеристик членораздельной речи, определяя ее следующим образом: «Издавать звук голоса нельзя ни одной частью тела, кроме дыхательного горла. А говор есть расчленение голоса с помощью языка; голос и гортань издают гласные, язык и губы – безгласные, а из соединения одних и других состоит говор» [2, с. 36].

Большое значение для развития языкознания имело учение стоиков, которые считали, что слова воспроизводят звуки, издающиеся предметами, которые являются выражением тех впечатлений, которые были отражены в душе человека, поэтому слова являются выражением внутренней сути предметов при помощи звуков природной сущности, считая, что слова изначально имеют истинный характер, а потому изучая их, можно вскрыть их истинную сущность – этимон (истины – древнегреческ.) [1, с. 70]. Этот подход способствовал появлению самого раздела языкознания – этимологии, который изучает «истинное значение слов».

Стоиками выработана цельная структура древнегреческого языка, состоящего из 24 звуков или букв, которые делились в свою очередь на гласные и согласные. Каждая буква отличалась особым звучанием, изображением и названием. Ими были определены пять частей речи, к которым они соотнесли глагол, союз-связку, член (включает в себя артикль и местоимение), а также самостоятельные части речи, к которым были отнесены имя собственное и нарицательное. Ими окончательно были разрешены вопросы о падежах, которые взаимоотносились с именами [1, с. 69].

Прямая форма имени обозначена ими как именительный падеж. Стали различаться прямые и не прямые падежи, к которым относили родительный падеж как обозначение рода и вида, дательный падеж обозначал процесс передачи или давания, винительный, обозначавший то, что подвергалось действию, который можно понимать причиной или звательным падежом. Ими были предприняты серьезные попытки разработки учения о частях речи, учения о падежах в имени, о временах глаголов. Подводя итог нашему исследованию необходимо заключить, что древнегреческая философская мысль сыграла важную роль в формировании подхода к языку с точки зрения логики, послужившим, в свою очередь, утверждению идеи универсализма грамматики языка. Уже на базе достижений древнегреческой философии и языкознания позднее в эпоху эллинизма происходит становление основ филологической науки.

## Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля. Под общей ред. О. М. Фрейденберг. Ленинград. ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1936, 342 с.
2. Аристотель. Поэтика. Электронный ресурс: <https://royallib.com/book/aristotel/poetika.html> (дата обращения: 20.01.2020).
3. Кондратов Н.А. История лингвистических учений. М., Просвещение, 1979, 224 с.

## ВИЗУАЛЬНОСТЬ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Я. И. Артеменко

*Кандидат философских наук, доцент,  
Национальный фармацевтический  
университет,  
г. Харьков, Украина*

---

**Summary:** The article regards visuality as a paradigm setting of nowadays culture. Author outlines the main prospects of visual studies. The typology of visual representations was proposed as well as the possible approaches to their interpretation.

**Keywords:** liquid modernity; visual studies; visuality; representation.

---

В наши дни исследователи все чаще констатируют переход от культуры слова и вербальности к культуре визуального образа. Новая парадигмальная установка культуры, визуальное, – и как инструмент активного захвата внимания, и как сфера взаимодействия с миром – занимает все больше места в пространстве нашего восприятия. Компактность и интенсивность визуального (или визуализированного) образа делает его исключительно выигрышным средством коммуникации. Трансформации, происходящие в современной культурной парадигме, производят изменения в принципах описания различных явлений. Сегодня нет сомнения, что визуализируется все – от чувства, скрытого за мимической маской или социального посыла интерьерера, до коммуникативного «жеста», структуры вселенной или квантового скачка.

Зигмунт Бауман, описывая настоящую историческую ситуацию как «текучую современность» [2], говорит об особой социальности и изменении статуса индивида. Индивид, уже более не контролируемый устойчивыми социальными паттернами и связями, оказывается сам «ответствен за собственные неудачи» и, очевидно, за ту меру понимания, которую находит в других. Индивидуализация в сфере социальных отношений и возрастающая интенсивность взаимодействий делают приватизированное, по выражению Баумана, пространство, а также его события, ведущей моделью репрезентации.

Индивид как социальный актер выступает в качестве субъекта, который потребляет и ретранслирует значения в форме индивидуально же ориентированных сообщений. «Приватность», обращенная вовне, к другим

«приватностям», должна формировать красноречивые сообщения, емкие, эмоционально окрашенные, доходчивые и риторически отточенные.

Информатизация, экономизация и виртуализация горизонта человеческой жизни проектируют глобальное коммуникационное пространство на основе насущных интересов, поддерживаемых условными (инструментальными) мотивами (см., например, Дж. Элкинс, «Дело Кельвина Кляйна в одежде» [6]).

В контексте новых социокультурных условий визуальная среда представляется наиболее эффективным инструментом коммуникации и социального влияния. Благодаря своим базовым свойствам (таким как отчетливость, емкость, компактность и интенсивность воздействия) визуальный образ работает как герменевтически насыщенный феномен. Визуальное сообщение также имеет функцию «ограничителя», определяющего меру свободы интерпретации в границах определенного (идео-)логически скорректированного дискурса.

Второй важный аспект актуальности нашей работы коренится в проблеме визуальной выразительности в целом. Современная культура, обогащенная опытом трансгрессии, заново открыла сферу невыразимого, то есть экстра- или суб-семиотического пространства. Таким образом, можно констатировать неадекватность любого языка описания для отображения «состояний» и «переходов» пререфлексивного уровня жизненного мира (таких как самопознание «интимной личности», шок, индивидуальный мистический опыт, ряд явлений телесного опыта и т. д.).

В этом контексте визуальная сфера предоставляет набор выразительных средств, способных расширить область считываемых значений. Визуализация рассматривается как технический метод (ре)конструирования определенной реальности и сам принцип отношения к реальности, располагающий обширными возможностями восприятия и выражения.

Мы должны уточнить термин «визуализация» в контексте философского дискурса, минуя чисто технический аспект проблемы. Обобщая возможные коннотации, мы обозначаем визуализацию как методологию восприятия и выражения, разворачивающихся в двух взаимодополняющих направлениях.

а) Визуализация может пониматься как создание образа, как репрезентацию некоторой идеи (конструирование видимого смысла, смысловой «проекции» или «идеографии»). В этом случае визуальность проявляет свои выразительные средства, ориентированные вовне, «от себя к зрителю». Такой вид визуализации создает *визуализированные* объекты, за которыми стоит невидимая реальность (плакат, Instagram-сообщение, живописные аллегории классицизма).

б) Визуализация также может выступать как раскрытие значения изображения (герменевтика видимого объекта, рациональная «ретроспекция» или «икконография»). Здесь визуальные средства используются для артикуляции сообщений, направленных «внутри», «от образа к себе», и их понимания.

Основные механизмы визуализации – это показ (вместо проговаривания) и просмотр (вместо прочитывания); трансформация скрытых значений в видимые; создание правил интерпретаций («конвертация» ценностей); локализация («сжатие») и интенсификация воздействия информационных сообщений.

Несмотря на актуальность визуальной тематики, существует проблема описания визуальных явлений. Традиционными средствами такого рода описаний были обычно языки эстетики, искусствоведения, семиотики, психологии восприятия.

Философский подход может предложить отличающийся как по уровню спецификации, так и по степени обобщения, принцип работы с визуальными явлениями. Феноменология, в частности, рассматривает визуальный образ как феномен сознания, вписанный в горизонт сложной системы взаимодействий, в которой коррелируют телесность, социальность и психология. Антропологические проекции, в свою очередь, оказываются условиями, а не средством выражения значений. Ментальный образ, «рисующий» некоторую реальность, по мнению Ж.-П. Сартра, – это способ, которым объект проявляет себя в сознании с точки зрения воображения [4, с. 58], а, следовательно, наслаивает видимую реальность на реальность ожидания.

Можно утверждать, что в некоторой степени все, в том числе, идея, принцип, факт или событие, является потенциальным визуальным образом. Степень наглядности определяется сферой, в которой функционируют описанные идеи, набором доступных инструментов объяснения и актуальными задачами визуализации. Следовательно, практика визуализации должна включать не только методы изобразительного искусства или медиа, которые работают с видео- или фотоматериалом, но также и методы построения визуального представления не визуальными средствами (блестящие примеры этого демонстрируют известные «феноменологические описания» в текстах М. Пруста или А. Робб-Грийе).

Перспективы визуальных исследований определяются целью разработки философской теории визуализации. Одной из задач возможных будущих исследований является разработка типологии и прослеживание эволюции отношений между изображением и реальностью, которую оно представляет. С нашей точки зрения, следует упомянуть такие формы соотношения изображения/реальности.

а) *Репрезентация* (соответствует отношениям в рамках иконического знака, когда обозначающее миметически связано с обозначаемым); в качестве образца можно рассматривать реалистическое художественное указание на объект или позитивистское научное описание.

б) *Медиация* (создание имиджа-посредника между реальностью какой-либо идеи и социально-психологической реальностью целевой группы, которой адресовано сообщение.) Основой такого вида визуальной коммуникации является соглашение, которое маркирует отношения как репрезентативные. Однако фактически он устанавливает отношение пред-

ставления субъекта к сообщению как к приемлемому, истинному в рамках ситуации. Детали такого рода связей представлены в концепции риторики визуального образа [1, с. 4].

в) *Эквивалентность* (создание образа, который нарушает систему знаковых отношений. Он не обозначает определенную сущность, а скорее проектирует, как предполагает А. Менцвель, самодостаточную художественную реальность, эквивалентную внешней, и поэтому сопротивляется сравнению или символизации (см. в качестве примеров описания современных выставочных проектов [3]).

г) *Конверсия* (представление, которое находится от его объекта настолько далеко, что в результате мы имеем совокупность несопоставимых понятий, ценностей или даже измерений). В основном это явление имеет место в научных описаниях, которые выходят за рамки эмпирической проверки, присущей естественнонаучному подходу, и затрагивают сферу метафизики. В попытке представить теории, содержание которых может быть выражено исключительно математически, ученые часто стремятся использовать риторические средства визуализации. В качестве основных особенностей такой визуализации можно считать несоизмеримость сравниваемых параметров, построение невозможного пространственно-временного «места» для наблюдателя, использование избыточных эстетических средств для создания эффекта достоверности.

Все упомянутые аспекты могут очертить перспективы будущих визуальных исследований и могут быть полезны для поиска или изобретения новых описательных языков, применимых к наиболее сложным визуальным явлениям.

Таким образом, нам представляется, что рассматривать визуальность как сферу изобразительных средств исключительно – серьезное упрощение. Визуальность может исследоваться как особый нарратив, характеристика культуры эпохи «текучей современности», средство позиционирования – идеи, субъекта, вербально невыразимого.

#### Библиографический список

1. Barthes R. The semiotic Challenge. - University of California Press, 1994.
2. Бауман З. Текучая современность. – электронный ресурс. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/397475-tekuchaya-sovremennost/toread>.
3. Менцвель А. Антропологічна уява. – К.: Юніверс, 2012.
4. Сартр Ж.-П. Воображаемое: Феноменологическая психология воображения. – СПб: Наука, 2001.
5. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. – М.: Академический проект, 2016.
6. Элкинс Дж. Исследуя визуальный мир. – Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2010.



## V. THE SPIRITUAL, MORAL AND AESTHETIC ASPECTS OF CULTURE



### ПРИБЛИЖЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ К НРАВСТВЕННОМУ СОДЕРЖАНИЮ ПЬЕСЫ А. П. ЧЕХОВА «ЧАЙКА»

Н. А. Выдрина

*Кандидат педагогических наук  
Западно-Казахстанский  
государственный университет  
имени М. Утемисова, г. Уральск,  
Западно-Казахстанская область,  
Казахстан*

---

**Summary.** Chekhov's understanding of the purpose of human life and art enriches man spiritually. The article talks about ways of introducing young readers to the moral content of Chekhov's play "The Seagull." This work is based on consideration with students of the author's position in the play.

**Keywords:** Students; drama; heroes; "The Seagull".

---

Созданная и поставленная на сцене в конце 90-х годов XIX века пьеса «Чайка» имела ярко выраженный новаторский характер, поэтому и не была вначале понята и оценена по достоинству. Это очень сложное для восприятия произведение, требующее от читателей и зрителей напряженной работы мысли, умения увидеть полутона, уловить подтекст, почувствовать за обыденными ситуациями во многом скрытый драматизм судеб героев, ощутить лирическое звучание в авторском взгляде на изображаемое.

Хотя А. П. Чехов сознательно нарушал существовавшие законы сцены, драматическое начало в «Чайке» проявляется порою сильнее, чем в написанных в традиционной манере пьесах. Оно носит сгущенный, концентрированный характер. Единомышленник А. П. Чехова Вл. И. Немирович-Данченко, поставивший «Чайку» во МХАТе, писал: «...Я готов ответить чем угодно, что эти скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре пьесы при умелой, не банальной, добросовестной постановке захватят и театральную залу» [3, с. 375]. Действительно, можно было бы написать несколько пьес об отдельных героях «Чайки». Это могут быть пьесы о Сорине, Дорне, Маше и Медведенко, Аркадиной, Треплеве и Тригорине, Нине Заречной. В сильных классах ученики, работая в группах, могут попытаться сделать наброски таких пьес. В классах среднего уровня предлагаем школьникам подготовить сообщения о драматичной судьбе каждого из указанных героев.

В пьесе предстает многомерная картина: жизненные установки, поступки, размышления действующих лиц находятся в тесной связи между собой, соотносятся друг с другом. Так начинают звучать ключевые для «Чайки» темы: тема назначения искусства, тема разобщенности людей и их стремления к идеалу. Самостоятельно ученикам очень трудно осмыслить эти сложные проблемы, поставленные в пьесе, поэтому прибегаем к эвристической беседе, вопросы для которой школьники получают заранее, чтобы работа над ними на уроке шла эффективнее.

В пьесе, начинает беседу учитель, предстает два подхода писателя к своему творчеству. Далее задается следующий вопрос: «В чем разница между писательской манерой Тригорина и Треплева?» Тригорин, отвечают учащиеся, постоянно заносит в книжку услышанные слова, описания реальных житейских ситуаций, пытаясь правдиво и лаконично воспроизвести в своих произведениях жизнь.

Треплев считает, что в искусстве нужны новые формы. Его не удовлетворяют пьесы, отражающие пошлую жизнь и содержащие маленькую, «удобопонятную» мораль» [2, с. 109]. По его мнению, «надо изображать жизнь не такую, как она есть, и не такую, как должна быть, а такую, как она представляется в мечтах» [2, с. 111]. В своей пьесе он берет сюжет из области отвлеченных идей.

«Кому же из этих писателей, – задает следующий вопрос учитель, – отдает предпочтение Чехов – Тригорину или Треплеву?» Ученики замечают, что отношение Тригорина к писательскому труду напоминает самого Чехова, который использовал в своих произведениях материалы записных книжек, правдиво фиксирующих реальные факты; стремился к лаконизму в описаниях. Но по-своему прав и Треплев: он имеет право на самовыражение, что признает и сам Тригорин. Его пьеса взволновала хорошо знающего жизнь Дорна. В дальнейшем, начав печататься, Треплев приобретает свой круг читателей.

Чем же обусловлена разница в подходах к изображению жизни у этих двух писателей? Учитель обращает внимание на то, что в списке действующих лиц Чехов называет Тригорина «беллетристом». Беллетрист – это повествователь, его область – проза жизни. Треплев и драму, и последующие произведения наполняет эмоциональным звучанием. Нина полагает, что в пьесе Треплева нет правдивости, мало действия. Но главное в творчестве Треплева уловила не девушка, пробующая себя в роли актрисы, а Маша – «нелепая девица», как отзывается о ней Треплев: «У него ...манеры, как у поэта» [2, с. 122]. Действительно, пьеса Треплева передает чувства его современников, общее ощущение неблагополучия, одиночества. Мирская душа на безжизненной в далеком будущем Земле произносит: «Холодно, холодно, холодно. Страшно, страшно, страшно. Пусто, пусто, пусто» [2, с. 113]. Эти чувства в той или иной форме испытали почти все действующие лица «Чайки».

Итак, продолжает учитель, и Тригорин, и Треплев талантливы, но они испытывают недовольство по отношению к своему творчеству. Далее продолжается беседа:

– Чего же как писателю не хватает Тригорину? Почему он не достигает уровня И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого?

– Тригорин старается писать правдиво: воссоздать живые лица, реальную обстановку действия, но чувствует и любит он только природу, а другие темы (положения народа, прав человека и т.д.) он поднимает по обязанности. В его произведениях нет знания народа и романтической приподнятости, как у Тургенева; страстного стремления к самосовершенствованию, к разрешению «проклятых вопросов», как у Толстого. Искусство Тригорина не может иметь источником и собственную его жизнь: он далеко не подвижник. Произведения Тригорина напоминают чучело чайки: в них есть правдивость, но нет души, нет высокого и прекрасного начала, которое есть в живой свободной птице, летящей над озером.

– В чем трагедия Треплева как художника и как человека?

– Дорн предостерегает Треплева: «В произведении должна быть ясная, определенная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе ... вы заблудитесь и ваш талант погубит вас» [2, с. 118]. Треплев, считает Дорн, мыслит образами, воздействует на чувства читателей, производит впечатление, но он не имеет определенных задач. Треплев, выходя на профессиональную дорогу писателя, понимает, что все написанное должно свободно литься из души. Он, как поэт по своей натуре, жизненные впечатления пропускает через себя, через свои мечты. Треплев в отличие от Тригорина способен на романтически возвышенное чувство. Он боготворит Нину, видит в ней воплощение всего лучшего на земле: «Я зову вас, целую землю, по которой вы ходили, куда бы я ни смотрел, всюду мне представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая светила мне в лучшие годы моей жизни» [2, с. 153]. Но Треплев очень раним, долгое время остается большим ребенком, потом после ряда испытаний ощущает преждевременную старость души. Нину жизненные бури закалили как человека и художника. Треплев же, совершенно не зная суровой реальности, не имеет и четких ориентиров, как ее улучшить, куда звать читателя. Он печально говорит Нине: «Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание» [2, с. 154].

К людям искусства, продолжает далее учитель, относятся в пьесе и две актрисы: Аркадина и Нина Заречная:

– Какие противоречия отмечает Чехов в жизненной позиции и поведении Аркадиной? Как это отражается в ее игре на сцене?

– Аркадина всегда озабочена тем, как она выглядит. Она уделяет большое внимание одежде, прическе, голосу, своим манерам. Молодит ее и то, что она всегда настроена оптимистически, любит сцену, отличается большой работоспособностью как актриса. В реальных жизненных ситуа-

циях можно ощутить ее актерство, игру. Она, как ангел, ухаживает за больными; моет в корыте детей прачки; вставая на колени, произносит мелодраматический монолог перед Тригориным. В ее доме бывают артисты, писатели. Много в жизни она делает напоказ, так как «имя ее постоянно треплют в газетах». Но в реальности у Аркадиной нет сильного и глубокого чувства к Тригорину, как у Треплева к Нине. Произнося высокопарные слова, адресованные ему, называя его «изумительным, великолепным» повелителем, она, добившись своего, думает про себя: «Теперь он мой». Далее она говорит с Тригориным «развязно, как ни в чем не бывало». У нее нет романтического настроения души, о чем свидетельствуют некоторые разговорные и даже грубоватые слова и выражения в ее речи: «никогда не была фефелой», «вот вам, – как цыпочка», «что-что, а уж одеться я не дура». Аркадина отличается скупостью. Она не желает даже незначительно помочь материально брату и сыну, хотя у нее лежит в банке семьдесят тысяч – очень крупная в то время сумма. Даже слугам она дает рубль «на троих».

Треплев говорит об Аркадиной: «Психологический курьез – моя мать. Бесспорно талантлива, умна, способна рыдать над книжкой, отхватит тебе всего Некрасова наизусть, ...но попробуй похвалить при ней Дузе. Ого-го! Нужно хвалить только ее одну...» [2, с. 108]. Действительно, Аркадина самолюбива, капризна и эгоистична. Не случайно у Чехова и упоминание о Некрасове в исполнении Аркадиной. Одна из ведущих тем поэта – страдания народа. Может ли Аркадина в полной мере почувствовать произведения Некрасова? Мы видим, что в пьесе простой народ представляют три персонажа, два из которых даже не имеют имени: работник Яков, повар и горничная, но их судьбы совершенно не интересны Аркадиной. Да, Аркадина талантлива, но как и Тригорин, она не дотягивает до высокой планки в искусстве, которую представляют классики. Для этого нужна полная самоотдача, самоотверженность и подвижность, как в жизни, так и на сцене.

– Как начинающая актриса Нина Заречная противопоставлена в пьесе Аркадиной?

– Самолюбование Аркадиной чуждо Нине Заречной как актрисе. Для нее характерна искренность игры, ее привлекает простота Тригорина и правдивость его произведений. Любовь к Тригорину окунула Нину в прозу жизни, помогла познать ее и обрести стойкость. Но грубая сторона действительности породила в ней чувство утраты прелести чувств, пережитых с Треплевым, которых уже не вернуть. Нина ощущает себя чайкой. Чайка – красивая птица и в то же время у Чехова этот образ приобретает и символическое значение: чистоты, свободного полета, романтической приподнятости над бытом. Возможно, Нина станет хорошей актрисой, соединив в своем творчестве знания о реальной жизни Тригорина, высокие мечты Треплева, наслаждение работой и любовь к театру Аркадиной, хотя путь ее

не будет легким. Уже в его начале она испытывает усталость и горькое чувство бесприютности, а ее жалобы напоминают крики чайки.

В юности Нина мечтала о шумной славе. Пройдя трудные жизненные испытания, она понимает: в искусстве главное нести крест, терпеть и веровать.

– С образом чайки в пьесе тесно связано и изображение озера, на берегу которого выросла Нина. Как воспринимают его Нина, Треплев, Дорн, Аркадина, Тригорин?

– Нину тянет к озеру, как чайку. После жизненных разочарований в ее душе остается образ «ясной, теплой, радостной, чистой жизни» на его берегах. Свою пьесу Треплев ставит в естественных декорациях: «Поднимается занавес: открывается вид на озеро: луна над горизонтом, отражение ее в воде» [2, с. 113]. Дорн, выслушав признание Маши о ее безответной любви к Треплеву, восклицает: «Колдовское озеро». Поэтическое очарование озера в какой-то мере ощущает и Аркадина, вспоминая о прошедшей жизни в дворянских усадьбах по берегам озера с музыкой, пением и романами, романами. Судьбу Нины, выросшей на берегу озера счастливой и свободной, как чайка, Тригорин делает сюжетом для небольшого рассказа. Но он все-таки воспринимает озеро довольно обыденно, прозаически, при свете дня: «Должно быть, в этом озере много рыбы?» [2, с. 116].

В последнем действии, отмечает учитель, озеро предстает в осеннюю непогоду: на нем громадные волны. Это описание является романтическим фоном для последнего свидания с Ниной Треплева, не перенесшего бури в душе, вызванной неразделенным чувством и творческим кризисом.

– В чем же трагедия Треплева? Почему он не смог выстоять перед ударами судьбы?

– Праздность, уязвленное самолюбие и недостаток материнской любви в детстве и юности, незнание реальной жизни породили слабость, уязвимость Тригорина как человека и художника. К тому же, он был раним как поэт, для которого собственные чувства становятся источником творчества. Такие люди, как большие дети, подчеркивает учитель, требуют к себе очень внимательного и бережного отношения окружающих. Его чувства понимает Полина Андреевна, хочет помочь Маша, нежно любит Сорин, поддерживает в творческих начинаниях Дорн. Но для Треплева решающее значение имеет любовь двух женщин: матери и Нины Заречной.

– Достаточно ли внимательна к своему ранимому сыну мать?

– Аркадина любит сына, но не признает его права на собственные поиски в искусстве, уязвляет его самолюбие. Через два года она вновь привозит Тригорина в усадьбу Сорина, где живет Треплев, хотя знает, что это будет неприятно сыну, видящему в известном писателе соперника в любви и творчестве. Зная, что ее сын стал писателем, Аркадина не удосуживается прочитать хотя бы одно из его произведений.

– А могла ли Нина предотвратить трагедию?

– Нина проявляет невнимание к горячо любящему ее человеку. Она озабочена своими переживаниями и трудностями и совершенно не слышит Треплева, которого могла бы спасти. А его слова буквально взывают о помощи: «Я одинок, не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и, что бы я ни писал, как это сухо, черство, мрачно. Оставайтесь здесь, Нина, умоляю вас, или позвольте мне уехать с вами!» [2, с. 153].

– Нечуткость друг к другу порою проявляют и другие герои пьесы. Определите, как в четвертом действии описывается отношение Маши и Полины Андреевны к Медведенко. Заслуживает ли он такое отношение?

– Не хочет слышать мужа Маша, которую Медведенко зовет домой. Медведенко раздражает и Полину Андреевну, проявлявшую доброту и к Дорну, и к Аркадиной, сочувствующую Маше, не преодолевшей неразделенную любовь. Но ведь Медведенко переживает за маленького ребенка, которому Полина Андреевна приходится бабушкой: ребенок уже три дня остается без родителей. Грубый и хамоватый Шамраев не дает зятю лошадей и даже унижает его: «Небось, дойдет. Не генерал» [2, с. 149]. И Медведенко шесть верст идет пешком в непогоду.

Именно он незаметно в нужный момент, продолжает далее учитель, приходит на помощь больному Сорину: берет его под руку, подбадривает шуткой, катит в кресле вместе с Дорном. О службе Медведенко говорит лишь как о средстве скромного дохода для семьи. Но его доброта очень необходима именно в учительской деятельности. Маша связывает жизнь с Медведенко потому, что ей становится жалко его и его семью. В народе часто любовь называют жалостью, так как именно жалость становится источником бережного отношения людей друг к другу. Характерно, что и сама фамилия учителя и имя его жены вызывают ассоциации с простонародной средой, даже с русским фольклором, с народной нравственностью и моралью.

– В пьесе звучит не только мотив времени, которое проходит очень быстро, но и мотив дома. Дом – это тепло, уют, где хочется жить и куда хочется возвращаться; это близкие и дорогие люди, которые требуют заботы и без которых невозможно существовать. Есть ли такой дом у Аркадиной, Нины, Сорина, Медведенко?

– Аркадина предпочитает дому брата гостиницу, где можно учить роль. Нина, став актрисой, в полном смысле лишается дома и тоскует по теплу и уюту. Сорин не чувствует себя спокойным и счастливым в собственном доме и хочет жить в городе. И только Медведенко зовет Машу поехать домой. И это не просто бытовая фраза. У него есть дом. Он ощущает ответственность за мать, двух сестер, братишку, жену Машу и особенно – за маленького ребенка.

В пьесе, отмечает учитель, возникают многозначительные переключки между судьбами разных героев: Нина не сохранила своего ребенка, потеряла сына и Аркадина. Скромный Медведенко, как Дымов в «Попрыгунье», без лишних слов несет свой крест. Жизнь заставляет его бороться с

бедностью, преодолевать трудности, заботясь о близких. Возможно, если бы Треплев окунулся в такую реальную жизнь, он изменился бы и понял, для чего нужно создавать литературные произведения, кому это нужно. Но при этом надо обязательно сохранить высокий настрой души, не растворяясь полностью в быте.

Чехов в «Чайке» показывает, что жизнь сложна, что надо по крупицам собирать то лучшее, что есть в людях. При этом писатель должен быть «выше толпы». Сам Чехов воплощал в себе многие прекрасные качества, которые мы видим у разных героев пьесы, или же сожалеем об их отсутствии у них. Чехов отличался колоссальной работоспособностью; по свидетельству К. Чуковского, «был гостеприимен, как магнат» [5, с. 5] и щедр, хотя испытывал нужду в деньгах, заботился о своей большой семье (матери, отце, братьях, сестре). И еще: он был настоящим подвижником. Желая принести действительную пользу людям, писатель, будучи больным, отправился на далекий Сахалин. Во время эпидемий холеры в 1892, 1893 годах он продолжал выполнять обязанности врача, а это в то время было смертельно опасно. О людях жизненного подвига А. П. Чехов ярко написал в статье, посвященной знаменитому путешественнику Н. М. Пржевальскому: «В наше больное время, когда европейскими обществами обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царит нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают» [4, с. 521–522]. Колоссальное писательское наследие А. П. Чехова – это тоже подвижничество, причисляющее его к «людям подвига, веры и ясно осознанной цели». В «Чайке» он изображает будничную обстановку; героев, во многом неудовлетворенных своим существованием, в том числе художников, сомневающих в результатах своего творчества. Писатель правдиво воссоздает быт, но поднимается над ним: порою обычные фразы героев звучат как стихотворения в прозе, а бытовые детали приобретают значение символа. На уроке может быть прослушано сообщение заранее подготовленного ученика о том, как ощущается в «Чайке» лирическое начало. С этой целью следует обратиться не только к самому художественному тексту, но и к дополнительному материалу, который получает докладчик [1, с. 594–596].

Чехов, подытоживает учитель, помогает читателям и зрителям не только разглядеть то, что мешает им существовать, но и дает ориентиры для того, чтобы стать лучше, памятуя о высшем смысле человеческой жизни.

Большое значение для освоения школьниками нравственного содержания пьесы имеет и организация их самостоятельной работы по чеховскому произведению. Например, школьникам могут быть предложены следующие задания:

1. Сорин, желая восполнить недостаток впечатлений в молодости, несмотря на плохое здоровье, пьет за обедом херес и курит сигары. Страдая от несчастной любви, Маша нюхает табак и за завтраком «пропускает» две рюмочки водки. Почему Дорн активно выступает против таких привычек, отнюдь не считая их «пустяками»? (см. конец первого и начало второго действия).

2. Перечитайте разговор Аркадиной с Соринным о Треплеве в третьем действии. Как вы думаете, излечили бы душу Треплева поездка за границу и служба? Как помогают прояснить эту ситуацию упоминания о двадцативосьмилетней службе Сорина и поездке за границу Дорна?

3. Можно ли считать праздность одной из причин безвременной «старости» Маши и Треплева?

Интересующимся литературой учащимся могут быть даны более сложные задания:

1. Верно ли утверждение: «Драматические ситуации возникают в этой пьесе не вследствие вражды, а из-за недостатка любви»? Докажите свою точку зрения, обращаясь к тексту чеховского произведения.

2. Тригорин и Треплев испытывают неудовлетворенность собой, что свойственно настоящим художникам. Однако есть графоманы, которые не ведают творческих мук и могут в больших количествах создавать литературные поделки. Таких пьес Чехов видел немало в современном ему театре и о «пошлых» пьесах упоминает в «Чайке». Одна из них – «Чад жизни» Болеслава Марковича. Подготовьте реферат о русской репертуарной драматургии 80 -х – 90 -х годов девятнадцатого века и выявите, почему Чехов не удовлетворяли эти пьесы.

Если первое из указанных заданий помогает школьникам на достаточно высоком уровне анализировать художественный текст, то второе задание побуждает десятиклассников, относящихся к литературе как к будущей сфере профессиональной деятельности, задуматься о сути литературного труда. Для этого мало уметь гладко писать. Надо воссоздавать образы, воспроизводить жизнь правдиво; знать, для чего пишешь, пропускать увиденное через свое сердце.

Обращаем внимание и на тех, кто воспринимает искусство, – читателей и зрителей. Можно предложить школьникам следующее задание: «В чем разница в восприятии драматического искусства между Дорном и Шамраевым?» С помощью учителя школьники делают следующие наблюдения: «Дорн – врач, но он очень тонко понимает искусство. Оно затрагивает его эмоции, заставляет размышлять. Шамраев хвалит актеров прошлых лет, прежде всего, потому, что будучи офицером, он в молодости охотно развлекался, посещая театр. Он вспоминает не о тех просветленных чувствах, которые вызывало искусство, а о забавных случаях во время спектаклей, оговорках актеров и о том, что с некоторыми из них «пивали когда-то». Шамраев, как и купцы, пристающие с любезностями к Нине Заречной,

которая начала играть в провинциальном театре, не имеет никакого отношения к подлинному искусству.

Как видим, нравственное содержание пьесы может сыграть значительную роль в формировании личности школьников, их отношении к жизни и искусству, естественно, при тщательно продуманной учителем работе над пьесой «Чайка» на уроках и во внеурочное время.

#### **Библиографический список**

1. Бялый Г. А. Антон Павлович Чехов // История русской литературы XIX века: Вторая половина/ Под ред. Н. Н. Скотова – М.: Просвещение, 1987 – 608 с.
2. Чехов А. Драматические произведения. В 2-х томах. Т.2. – Л.: Искусство, 1985. – 384 с.
3. Чехов А. П. Собрание сочинений. Пьесы. Т.10. – М.: Правда, 1950 – 388 с.
4. Чехов А. П. Сочинения в четырех томах. Том третий / Под ред. Г. П. Бердникова – М.: Правда, 1984 - 576 с.
5. Чуковский К. И. Современники. Портреты и этюды. – Молодая гвардия, 1964 — 592 с.



## VI. SCIENCE AND EDUCATION AS INSTITUTIONS OF CULTURE AND SOCIALIZATION



### ИНТЕГРАЦИЯ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ (из опыта работы)

**В. С. Кирьякова**

*Магистр, учитель,  
Школа № 20, г.о. Тольятти,  
Самарская область, Россия*

---

**Summary.** The article is devoted to topical issues of integration of educational institutions and institutions of culture and art in order to improve the efficiency of the educational process. The authors analyzed the practical experience of organizing interaction between the school and institutions of culture and art, and additional education. Based on the analysis, conclusions of a practice-oriented nature regarding the effectiveness of network interaction are obtained.

**Keywords:** culture; art; education; integration; cultural studies of education; sociology of culture; network interaction; educational process; educational work; unified educational environment; extracurricular activities; primary school age.

---

В последние годы интеграционные процессы коснулись практически всех сфер: экономической, политической, научной, культурной и др. Глубокое осмысление культуры и искусства как феномена, пронизывающего все сферы жизни личности, в рамках всеобщей гуманизации приводит к осознанию необходимости интеграции учреждений образования и культуры. Под интеграцией в данном контексте понимается создание единого образовательного пространства. На современном этапе разработки проблемы интеграции можно выделить исследования таких учёных, как А. Т. Аверченко, В. С. Безрукова, А. К. Болотова и др. [1, 2, 4].

Интеграция учреждений образования и учреждений культуры и искусства становится одной из основных задач современной школы, так как позволяет формировать у учащихся целостную картину мира, способствует их самоопределению, побуждает к социальной и творческой активности, способствует всестороннему развитию личности.

Создание интеграционного образовательного пространства в школе как специфической формы организации обучения строится на концепциях культурологии образования, социологии культуры, художественной педагогики [2].

Образовательный процесс в начальной школе МБУ «Школы 20» строится на основе взаимодействия с учреждениями культуры и искусства, учреждениями дополнительного образования. Данное взаимодействие реализуется в форме внеурочной деятельности. Наиболее тесно школа со-

трудничает с МБОУ ДО «Свежий ветер», МБОУ ДО «Дворец творчества детей и молодёжи», Тольяттинской филармонией. В учебно-воспитательной работе школы запланированы совместные мероприятия с данными организациями как на базе школы, так и на базе организаций. В частности, МБОУ ДО «Свежий ветер» и МБОУ ДО «Дворец творчества детей и молодёжи» проводят занятия с учащимися на базе школы. Занятия технической и художественной направленности, проводимые данными организациями, вызывают большой интерес у учащихся и родителей, дети активно принимают участие в конкурсах, смотрах, соревнованиях. Тем самым, учреждения дополнительного образования решают вопрос с набором в творческие объединения. В свою очередь педагоги данных учреждений принимают активное участие в проведении школьных мероприятий: готовят концертные номера, выступления, проводят выставки и фестивали (Например, фестиваль Лего-конструирование). Традиционными для начальной школы стали уроки Тольяттинской Филармонии. Стоит отметить, что учреждение готовит мероприятия с учётом образовательных потребностей, затрагивая такие темы, как экология, литература, космос и др.

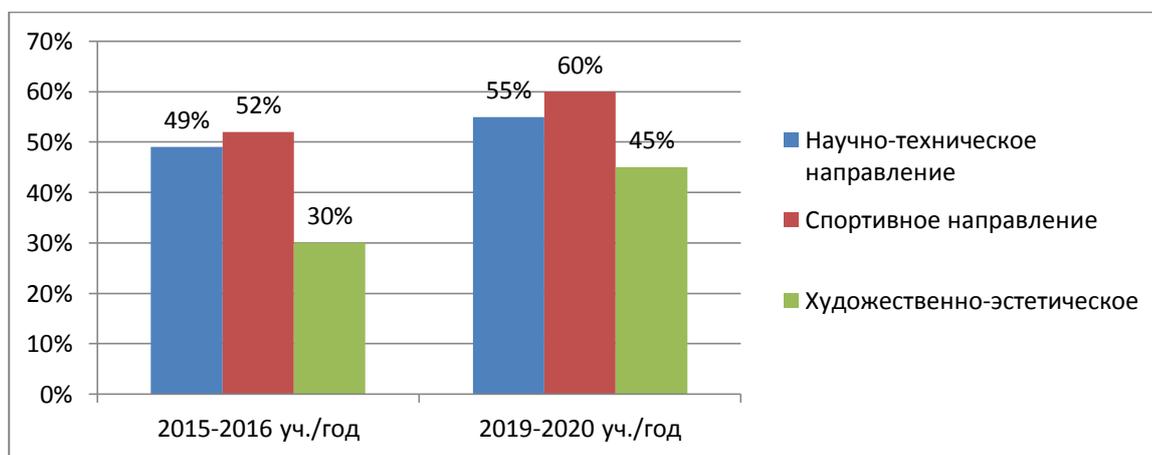
Программы внеурочной деятельности, реализуемые в школе, построены таким образом, что предполагают посещение различных учреждений культуры и искусства, учреждений дополнительного образования, музеев, библиотек. Так, например, учащиеся четвёртых классов в рамках программы «Академия естественных наук» посещают Тольяттинский краеведческий музей. Стоит отметить, что занятия проходят не только в форме экскурсии, но и в форме квеста, урока, исследовательской деятельности учащихся.

Посещение музеев позволяет решать образовательные и предметные задачи в процессе изучения естественно-научных дисциплин. Особый интерес в данном контексте вызывают уроки Музея занимательных наук «Эйнштейн». Так, например, учащиеся первых классов в рамках изучения темы «Свойства веществ» проводили настоящие опыты, создавали снег. Не всегда школа владеет необходимой материальной, кадровой и технической базой, для проведения, например, лабораторных опытов. А в случае взаимодействия с учреждениями дополнительного образования появляется возможность привлекать узкопрофильных специалистов, располагающих необходимыми техническими средствами обучения.

Взаимодействие с учреждениями культуры реализуется в воспитательной работе школы в тесном сотрудничестве с ГКУ Самарской области «Дом дружбы народов». Во время регулярных мероприятий организации учащиеся знакомятся с традициями народов Самарской области при непосредственном общении с носителями культуры. Данное взаимодействие становится особенно актуальным для школы в свете внедрения внеурочной программы «История Самарского края». Кроме того занятия учреждения предполагают использование средств этнопедагогики: народных сказок, игр, мультфильмов. Таким образом, при данном взаимодействии решаются задачи духовно-нравственного развития младших школьников.

Стоит так же обратить внимание на опыт работы с периодическим изданием «Ставроша». С данным изданием учителя работают на занятиях по программам «Счастливое детство» и «Риторика». Учащиеся четвёртых классов активно публикуют свои произведения в издании, учат стихотворения наизусть, выполняют задания. Таким образом, газета становится не только досугом, но и средством обучения и воспитания младших школьников.

В результате активного привлечения организаций дополнительного образования удалось повысить уровень занятости учащихся и вовлечь их в занятия художественно-эстетической (45 % учащихся) и научно-технической (55 %) направленности:



**Рис. 1. Динамика занятости учащихся 1–4-ых классов МБУ «Школы 20» г. Тольятти, за последние 5 лет**

Особое значение взаимодействие с учреждениями культуры и искусства и организациями дополнительного образования имеет для работы с детьми с ОВЗ. Традиционные, классно-урочные формы обучения с данной категорией детей не всегда эффективны в виду особенностей их развития. Дети с ЗПР отличаются гиперактивностью, рассеянным вниманием, недостаточной саморегуляцией. Нетрадиционные формы занятий в виде экскурсий, игр, спектаклей, праздников повышают познавательный интерес данный обучающихся, позволяют ребёнку реализовать себя в творчестве, способствуют социализации, расширяют кругозор. Занятия искусством и созерцание искусства носит кроме того и арт-терапевтический эффект [4].

Проанализировав опыт взаимодействия с различными учреждениями культуры и искусства, дополнительного образования, можно прийти к выводу, что создание единого образовательного пространства позволяет:

1. Уйти от фрагментарности при формировании мировоззрения у учащихся;
2. Решать проблему кадровой, технической и материальной оснащённости учебного процесса;
3. Способствовать самоопределению, профориентации и творческой самореализации учащихся;

4. Решать предметные, образовательные и воспитательные задачи школы.

Таким образом, взаимодействие с учреждениями дополнительного образования и учреждениями культуры и искусства является условием повышения эффективности образовательного процесса.

#### Библиографический список

1. Аверченко, А.Т. Вопросы воспитания / А.Т. Аверченко; Художник А.М. Елисеев. - М.: ЭНАС-КНИГА, 2012. - 64 с. - ISBN 978-5-906962-43-0. – Текст : непосредственный.
2. Безрукова, В.С. Педагогика: Учебное пособие / В.С. Безрукова. - Рн/Д: Феникс, 2013. - 381 с. - ISBN 978-5-906962-43-3. – Текст : непосредственный.
3. Богословский, В.В., Степанов, А.А., Виноградова, А.Д. Общая психология / В.В. Богословский. – М.: Просвещение, 2008. – 226 с. - ISBN 978-5-906962-43-7. – Текст : непосредственный.
4. Болотова, А.К. Социальные коммуникации. Психология общения: Учебник и практикум для академического бакалавриата / А.К. Болотова, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская. - Люберцы: Юрайт, 2016. - 327 с. - ISBN 978-5-906962-43-8. – Текст : непосредственный.

## ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

И. С. Степурина,  
Ю. С. Стройкова

*Студенты,  
Российский государственный  
профессионально-педагогический  
университет,  
г. Екатеринбург, Россия*

---

**Summary.** The article is devoted to the study of education as a social institution. Trends in the development of the new educational system as a means of human development. The social Institute of education implements the following functions: development of the productive forces of society, reproduction and development of the social structure of society; socialization of individuals, influence on the spiritual life of society.

**Keywords:** social institution; education; function.

---

Образование как социальный институт имеет исторический характер. Это относительно устойчивая форма социальной практики, с помощью которой функционирует общественную жизнь, обеспечиваются необходимые социальные связи, формируется система отношений, наконец, осуществляется социальное развитие. В то же время уровень развития образования, его специфика определяются уровнем развития общества. Глубинные преобразования, происходящие во всех сферах современного общества, привели к изменению ориентиров функционирования образования как социального института [3]. Образование превращается сегодня в определяющую, стратегическую основу развития личности, общества, нации и государства, становится залогом их будущего. Расширение и углубление понимания социального назначения образования вызывает необходимость в

теоретическом осознании трансформации его функций, изменения их содержания и уровню исполнения.

Моделирование новой системы образования имеет много проблем, но обратим внимание на несколько кардинальных, основных. Прежде всего, следует отметить, что гарантом, главным фактором национальной школы должно быть национальное государство, основным приоритетом должен стать закон, справедливый к лицу любой национальности. Принцип равенства и социальной справедливости должно быть важным и при решении других социальных проблем новой школы. Чтобы справедливость воцарилась, надо исходить из того, что образование как средство развития человека должна быть доступной для всех слоев населения. Причем не только по оплате, но и по форме обучения, например, стационар, вечерняя или заочная. Проблема гуманизации вытекает из потребности духовного возрождения, развития интеллектуального потенциала народов России. Практика образовательного строительства не ограничивается гуманитаризацией учебного процесса.

Социология же должна говорить преимущественно о гуманизации образования как социального института, общественного образования, общественного бытия. Что касается практической реализации реформирования системы образования на гуманитарных основаниях, то, по данным социологических исследований, этот процесс нелегкий. Иногда наблюдается узкое, упрощенное понимание сущности. В отдельных вузах ограничиваются расширением того или иного вида гуманитарного знания [1].

В социологии образования выделяются следующие существенные тенденции развития новой образовательной системы как средства развития человека: поскольку сегодня происходит пересмотр оценок места и роли человека в мире и общество осознает, что человеческая жизнь – высшая ценность, система образования должна стать адаптированной к образовательным, социокультурным и духовным потребностям человека; необходимость комплексного обеспечения всех участков системы непрерывного образования с учетом разнообразия способностей, талантов, потребностей каждого человека, общественных потребностей и требований в связи с ускорением темпов научно-технического и социально-экономического прогресса; значительное увеличение вариантов образовательных учреждений, учреждений, систем, отражающих специфические, национальные, региональные и другие интересы населения, внимание к неформальному образованию и самообразованию; принципиально новые отношения между образованием и общественной деятельностью, оперативное и эффективное удовлетворение потребностей русского общества; демократизация общественной жизни, построение русской государственности, что влияет на механизм функционирования системы образования, управления ею, на обеспечение свобод и прав человека; преодоление международной изоляции, вхождение в европейское и мировое образовательное пространство; возрастание роли и значения общечеловеческих ценностей как критериев ре-

зультативности образовательной деятельности; все больше потребность повышения престижа педагогического труда, ее качества и нравственности.

Эти тенденции отражают сложный и трудный путь реформирования системы образования в России в соответствии с уровнем развития национальной и мировой культуры, требований демократических преобразований в русском обществе. Социология образования призвана обеспечить научное сопровождение, социологический мониторинг процесса реформирования, обеспечить институты социального управления образованием выверенной научной информации о состоянии, тенденциях и проблемах в образовательной среде [2].

Образование рассматривается социологией как социальный институт, реализующий функции: развития производительных сил общества (профессиональное обучение, подготовка и переподготовка специалистов); воспроизводства и развития социальной структуры общества; социализации индивидов, влияния на духовную жизнь общества. Приоритетным направлением исследований в области образования является социологическое измерение состояния, тенденций и проблем реформирования образования в России, приведение ее в соответствие с требованиями национальной и мировой культуры, демократическими преобразованиями в русском обществе.

Итак, функционирование образования, выполнения людьми в пределах этого социального института определенных ролей, обусловлено социальными нормами ее внутренней структуры. Именно эти нормы определяют обязательный порядок, устанавливают мере, стандарт поведения людей, направляют социальную деятельность. В связи с этим следует заметить, что высшее образование интегрирована в систему социальных институтов. Только такая объединенная система может обеспечить и гарантировать полноценное функционирования общества. Каждое общество создает собственную систему высшего образования со своими структурами, системами финансирования и правилами управления для выполнения конкретных социальных целей, – а потому система образования должна давать отзыв на социальный заказ общества. Достижения «заказных» обществом социальных и духовно-моральных результатов составляет глубинный смысл функционирования всей системы образования как социального института в целом и всех его элементов, в частности.

#### **Библиографический список**

1. Карпенко, О.М. Высшее образование в странах мира / О.М. Карпенко, М.Д. Бершадская. – М.: Современный гуманитарный университет, 2016. – 244 с.
2. Кравченко А.И. Общая социология: учебное пособие для вузов – М.: Юнити, 2017. – 479 с.
3. Кравченко А.И. Социология: Учебник для студентов несоциологических специальностей, естественно-научных и гуманитарных вузов / Кравченко А.И., Анурин В.Ф. – СПб и др. Питер, 2018. – 431с.



## VII. PERSONAL ROLE IN SOCIO-CULTURAL REALITY: ACTUAL AND POSSIBLE



### ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ В РОМАНЕ ЕЛ. ЧИЖОВОЙ «ГОРОД, НАПИСАННЫЙ ПО ПАМЯТИ»

Н. П. Крохина

*Доктор филологических наук, доцент,  
Шуйский филиал,  
Ивановский государственный  
университет,  
г. Иваново, Россия*

---

**Summary.** In the aspect of correlation of a person's private life and the general historical life, the novel by El. Chizhova "A city written from memory" is analyzed, which is dedicated to the catastrophic transition of urban civilization for peasant Russia. It is emphasized that history, current reversal, exacerbates the existential value of life, poses the problem of not only survival, but also independent existence. It is studied how the "independence strategy" is connected in the novel with the St. Petersburg topos and family memory.

**Keywords:** man and history; private-general; memory; family history; "wrong time"; Christian understanding of life; city; Leningrad-Petersburg.

---

Человек и история, проблематика соотношения частной жизни человека и общей исторической жизни – базовая тема современной литературы. В отечественной литературе её концепты восходят к «Медному всаднику» А. С. Пушкина и «Войне и миру» Л. Толстого, обозначивших конфликт частного и общего и приоритет частного над общим. Историзм – ключевая черта эпоса, обращённого к судьбоносным событиям национальной истории. Современный роман, отражающий «незавершённое настоящее», воспроизводит всемирно-исторический переход от традиционного общества к современному, урбанизированному, промышленному, научно-техническому. Переход к городской цивилизации. Переход катастрофический, связанный с ломкой традиционного уклада жизни, с огромными жертвами, появлением лжепророков и лжеучений, создающих свою мифологию, в частности, – коммунистическую мифологию. Не случайно важнейшим жанром романа XX века становится семейная хроника, поколенческая проблематика, проблема сохранения родовой семейной памяти.

Для катастрофического XX века архетипы соотношения частного и общего в отечественной литературе заданы романом Б. Пастернака «Доктор Живаго»: история как преодоление смерти «основана Христом». «Смерти не будет», ибо «в других вы были, в других и останетесь» [7, с. 20, 61]. Историческая тема в романе Ел. Чижовой прежде всего вызывает параллели с романом Б. Пастернака: близкие навсегда остаются в памяти. «Смерти нет. Она – ничто» [11, с. 126]. Современная повесть о Петербур-

ге–Ленинграде начинается с мотива смерти как беспамятства. Этому беспамятству противостоят собираемые автором «слитки памяти»: семейные фотографии, «бабушкины слова, застрявшие в моей детской памяти, мамыны рассказы», записанные на плёнку. Но смерть как беспамятство сопровождает этот рассказ, написанный по памяти: «Смерть, где твоё жало?». Оно «в моей бедной, в моей загубленной стране. В моём прекрасном, в моём несчастном городе. В моей семье» [11, с. 9], свидетеле и жертве катастрофического времени, названного в романе Чижовой «изнаночным временем» [11, с. 84]. Память как важнейшая экзистенциальная категория становится освобождением от власти времени, его преодолением. Историческая память, как полагал ещё Н. А. Бердяев, – «величайшее проявление духа вечности в нашей временной действительности...Память есть основа истории» [2, с. 58].

«Что-то сдвинулось в мире, – писал Б.Пастернак. – Кончился Рим, власть количества...Вожди и народы отошли в прошлое. Личность, проповедь свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью» [7, с. 310]. XX век – век «восстания масс» – век противостояния человека и истории, частного и общего, экзистенциального и исторического, «жизни и судьбы» (словами В. Гроссмана). В век невиданного расширения сознания «переделка жизни», «декламации о вождях и народах», отбрасывающие историю назад, «болезнь века, революционное помешательство эпохи» стали реальностью [7, с. 256, 310–311, 343]. Это противостояние человека и истории обозначено романом Б. Пастернака. Эту линию противостояния продолжает роман Ел. Чижовой. Попытка автора восстановить, собрать, как рассыпанные пазлы, историю семьи: «На что я потратила свою единственную жизнь» – «осмысливать неосмысляемое» [11, с. 315], пробиться через «изнаночное время», которое «катилось вспять» [11, с. 64]. Прямой авторский голос, обращённый к читателю, сближает повествование к литературой нон-фикшн, стирая грани между художественным вымыслом и публицистической документалистикой. Роман-воспоминание, роман-расследование сближается с дневником, «записками» [11, с. 31]. История, текущая вспять, обостряет экзистенциальную ценность жизни, ставит проблему не только выживания, но и независимого существования.

История семьи отражает разломы русской жизни, «разрезанной по живому» [11, с. 64]: революция и гражданская война, политика военного коммунизма и коллективизация, индустриализация, террор и насилие, война и блокада. «Страна погружалась в новое средневековье», его приметы: страх и доносы, «иги социализма» [11, с. 64, 159], неисчислимы жертвы, террор. Детское сознание отражает «двойную реальность, в которой живёт страна. Два мира, лицевой и изнаночный, между ними зияет дыра молчания – ствольная клетка нашего будущего двоемыслия». «На видимой стороне счастливые лица физкультурников», энтузиазм, на оборотной – страх. «Фасад Главного Штаба колышется портретами, намалёванными на тряп-

ках, – образ иконостаса, вывернутого наизнанку. По ночам с той, обратной, стороны в город выходят бесы, перетянутые кожаными портупелями. Вместо лиц – личины. Римляне называли их: larva. Изнаночное советское время всецело их: лестницы, сведённые ужасом; проспекты и улицы; стогны града, вздёрнутые, повисшие в пустоте» [11, с. 83–84]. Согласно «большевистской изнаночной логике», «прошлое надо не просто стереть из памяти – его следует «перекоммутировать», вывернув наизнанку» [11, с. 67]. Время пронизано вывернутыми наизнанку христианскими смыслами. «Верой наизнанку» называл ещё С. Н. Булгаков жертвенное и героическое сознание русской радикальной интеллигенции [3, с. 31]. О вступлении России в «смутную эпоху», в которой «всё двоится», утверждение правды становится «одержимостью», опасности «цивилизованного варварства», писал Н. А. Бердяев в военно-революционной публицистике [1, с. 519, 590, 650, 818]. О времени «духовных подмен» и «духовной провокации» писал и С. Н. Булгаков в 1918 г. Причём поэтическое ясновидение он связывает с петербургским текстом А. Блока: Прекрасная Дама оказывается «Снежной Маской, Незнакомкой», «двусмысленным и тёмным существом», «не радуется, а пугает» явление «снежного Иисуса», 12 большевиков покажут христианство «снежное, с ледяным сердцем и холодной душой» [4, с. 126–127].

Память прежде всего восстанавливает обстоятельства рождения автора. 50-е гг., мама работала кассиршей в булочной, её судьбоносная встреча с отцом-фронтовиком, раскрывшийся мамин швейный талант и её болезнь, рождение автора в туберкулёзном родильном отделении. Но главной героиней детских воспоминаний автора становится прабабушка с маминой стороны, Евдокия Копусова, 1885 года рождения – баба Дуня. «Тонкие черты лица», из простой крестьянской семьи, но «вся деревня испокон веку – ремесленники. Валяли валенки». В лицах русских крестьян, размышляет автор, «следы тяжкого труда». «В лице бабушки Дуни следов крестьянской мрачности не найти... Правильный русский язык... Сквозь её грамотную речь... просвечивала мудрость её далёких предков. Не тронутая ни безысходностью крестьянской жизни, ни советским растлением. Во всей своей нравственной красоте. Отблески бабушкиной мудрости падали и на меня». Любила говорить метко: «Люди не вороны – в одно перо не уродятся. Лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Что народилось, то и вырастет... Не бывать калине малиной» [11, с. 37–40]. И «венец народной мудрости»: «Молчи – за умную сойдёшь». «В согласии со своими убеждениями бабушка говорила мало». Бабушкины максимы касались «врождённых свойств человеческой природы, которую не перебить, не переиначить воспитанием» [11, с. 41–42]. Бабушка «не чувствовала укорённости в новой, пролетарской эпохе» и потому не воспитывала, а учила. «Дочь Капитолину – терпению. Внучку Веру – нормальной человеческой жизни, не похожей на ту, какую её внучка видела окрест себя». «В основе моей жизни лежат разные нити. Но именно бабушка Дуня, не отдавая себе в этом отчёта, проложила ту, единственную, держась за которую, я – уже

после её смерти – выбралась из лабиринта советской жизни». В 60–е гг. баба Дуня говорила о большевиках: «Разворуют царское и сгинут» [11, с. 64–66].

Вслед за своим братом бабушка уехала на заработки в Москву, но о фабрике пришлось забыть: работница через месяц сломала правое запястье. Устроилась горничной в графскую семью, в свободное время занималась рукоделием. «Вглядываясь в бабушки – Дунино лицо, я пытаюсь найти следы времени, но не личного, прошедшего в стороне от всех «великих свершений», а общего, о котором по сию пору ведутся яростные споры». Но бабушка принадлежала другому времени. В её глазах нет ни энтузиазма, ни страха, а «сдержанное достоинство». «В том, как бабушка держит спину, видна укоренившаяся привычка к независимости. Рискну сказать: к свободной жизни. По тем временам (НЭП доживает последние дни) уже беззаконная». Внучка восхищается житейской мудростью бабушки: «лет за десять до пылающих, именем инквизиторской власти, костров», опередив политику «уплотнения», «уплотнилась сама». Второй шаг стратегии – подходящая работа. «Бабушка устроилась в больницу Коняшина. Нянечкой в приёмный покой... Работа нянечки позволяла экономить» [11, с. 61–63]. Перед нами один из ярких архетипов русской литературы – образ Бабушки, хранительницы народной мудрости, воплощение жизненной силы и человеческого достоинства (см. И. А. Гончаров «Обрыв», А. М. Горький «Детство»).

В новом, христианском понимании жизни Б. Пастернак акцентировал «любовь к ближнему, этот высший род живой энергии, переполняющей сердце человека». Без энергии этой любви история семьи, рассказанная Е. Чижовой, непредставима. А также «идею свободной личности и жизни как жертвы» [7, с. 20]. Образцом искомой свободной личности для автора стала её бабушка Дуня, и внучка в своём растущем духовном осознании будет прежде всего ценить «человеческое достоинство» [11, с. 222]. Всего сложнее с пониманием жизни как жертвы. Способность на бескорыстную жертву становится в христианской традиции глубочайшим личностным выбором, неотделимым от любви к ближнему и чувства собственного достоинства. «Любовь – это жертва», как писал Андрей Тарковский [8, с. 99]. Размышляя о сущности экзистенциального мироотношения, И. Гарин определял человека как «существо, приносящее свою жизнь в жертву своему предназначению» [6, с. 8]. Жертвоприношение должно быть осознанным выбором, а не возвращением, как произошло в эпоху «революционного помешательства», к языческим массовым жертвоприношениям. «Изнаночному времени» «приносить в жертву живых людей было не привыкать». «Я родилась в лёгкое время» конца 50–х гг., пишет автор, когда «жертвы были принесены» [11, с. 118, 159]. Но история семьи приходится на время массовых жертвоприношений. Цена времени познаётся в сравнении.

Корни семьи, о которой рассказано в повести, уходят в эпоху рубежа XIX–XX веков: «В тот короткий, но ёмкий период времени российская промышленность (после много-десятилетнего застоя, связанного с затянувшимся крепостничеством) переживала доселе небывалый подъём. Этот промежуток: от середины 1880–х до середины 1890–х – впоследствии названный «золотым десятилетием», – заложил основу всех дальнейших российских достижений. Апофеоз пришёлся на 1913 год – сакральная дата, с которой государство рабочих и крестьян невротически соотносило свои собственные достижения, налегая на выплавку стали и чугуна». Считалось, что «эта навязшая в зубах парочка – в пересчёте на душу загнанного в нищету населения – оправдывает чудовищные жертвы, которые «лапотная Россия» принесла на алтарь развития промышленности. Эту горбатую идеологему – даже могила СССР не в силах её исправить – развенчивает история моей семьи» [11, с. 44–45]. История семьи обращает не к цифрам экономической статистики, а к нравственным потерям, не говоря уже о сломленных судьбах, несостоявшихся жизнях. «В нашей семье мальчики не живут» – ещё один лейтмотив «изнаночного времени» [11, с. 265, 305].

История семьи отражает эпохальный исход крестьянской России в город, связанный с промышленным подъёмом и ускоренной советской индустриализацией: «насильственный переход к мобилизационной экономике с предельной концентрацией людских и материальных ресурсов в руках государства и политическими репрессиями против целых классов и социальных групп – прежде всего «кулаков», что потом назовут «переломом российского станового хребта» [11, с. 301]. Новые жертвы связаны с «тотальным террором» 1937 г. Изданный в XXI веке «Ленинградский мартиролог» насчитывает 17 томов! [11, с. 92–93]. Новые жертвы связаны с войной, давшей «погибшее поколение» [11, с. 77] и ленинградской блокадой. «Приняв форму блокады, иконный сюжет «Сошествия во ад» воплотился в жизнь» [2, с. 83]. Автор пишет, как «бесчеловечная власть» скрывала масштабы ленинградского бедствия, прикрываясь демагогией о героизме советского народа. «Бабушка выключает радио, стоит ему заикнуться про блокадников, про их «особую стойкость и героизм» [11, с. 201]. «В блокадной памяти смерть обозначена голодом и холодом» [11, с. 117]. Автор описывает возможные способы выживания в этих нечеловеческих условиях [11, с. 120–125]. Основные тяготы блокадной повседневности вынесла на себе Капитолина, мамина мать. «Для меня – лихоманка советского лихолетья. В самом беспросветном его изводе. Для неё – жизнь. Другой она не знала... Она вынесла всё... И умерла, надорвавшись» – в 43 года [11, с. 129–130]. «В лице бабушки Дуни – словно мать и дочь разделяет цивилизационная пропасть – нет податливой бесформенности, из которой вырастает тихая покорность: родителям, традиционному укладу, судьбе. В Капитолине она, наоборот, есть..., нет «самостояния» – того основополагающего свойства городского сознания, которым бабушка Дуня, даром что родилась в деревне, обладала. Но дочери не передала» [11, с. 96]. Жизнь

бабушек автора совпала с «унизительно-трудной советской жизнью», автор описывает убогий и скандальный быт коммуналок, «вызывающее уродство» хрущовок, «пресловутые очереди», «ползучую люмпенизацию» [11, с. 275, 176, 218, 300]. И человеческое стремление вернуться к норме: «Все усилия хотя бы немного улучшить обыденное существование: купить, достать, украсить, приспособить – представляются мне заранее и навеки оправданной попыткой наладить разрушенную жизнь. Поднять её из руин» [11, с. 219].

Самой трагической стала судьба ещё одной бабушки, умершей от рака – было едва за 50 лет – в 37 году. О главной тайне рода мать молчала практически всю жизнь. Дед Василий, погибший в последние дни блокады, за которого бабушка Капитолина вышла замуж в 1930 г., принадлежал к промышленно-купеческому роду со староверческими корнями. «К началу XX века 40% промышленного капитала Российской империи сосредоточено в старообрядческих руках. Эти умелые руки монополизировали целые отрасли, в частности производство тканей» [11, с. 297]. Рябиныны владели огромной ситценабивной фабрикой в Ярославле. После 17 года Мария Лукинична, ещё одна прабабка автора (мать деда Василия) выбирает Петербург – «дело уже не о том, чтобы скрыться на какое-то время. А о том, чтобы затеряться. На всю оставшуюся жизнь». «Их тактическая задача: выжить» [11, с. 299, 302]. Мечты бабушки Мани не осуществились: «сыновья вырастут, получают образование, хорошее, университетское. Продолжат семейное дело. Даст Бог, станут вровень с Мамонтовыми, Путиловыми, Третьяковыми. Её детьми будет гордиться Россия». Теперь материнское решение: «Семь классов и – на завод. Простыми рабочими». Старший сын устроился на зону охранником: «выбрал правильную стратегию. Стратегию спасения. Но не души...а жизни» [11, с. 307–309]. Другие трое сыновей погибли на войне.

В повести выстраивается хронотоп человеческой судьбы. Автор – «ленинградка в четвёртом поколении». «После блокады кровная связь с Ленинградом стала неразрывной» [11, с. 169, 106]. Человек, всю жизнь проживший в Ленинграде, воплощает «неколебимую связь» с родным амбивалентным топосом [11, с. 171]. Двойственность задана уже в названии города: «Всякая ленинградская душа рождается петербургской; всякая петербургская – ленинградской». Не от этого ли «всё и рухнет» [11, с. 314] – ставится вопрос в конце романа. В этой двойственности отражён разлом русской жизни. Двойственен, как известно, и петербургский топос. «Петербург строился как имперский город», столица империи, роскошная «театральная декорация», город «не для людей». «Его строили холодным inferнальным пространством, где человек – щепка» [11, с. 205, 244]. «Нечеловеческое пространство» Петербурга пересекается с советской «бесчеловечной властью» – при всей её ненависти к бывшему царскому городу. План Сталина, разрушенный войной, – сравнить ветшающие царские кварталы с землёй [11, с. 234, 237, 208]. «Завоевать Петербург», как Москву,

нельзя. «С ним, с его генетическим кодом, можно только совпасть» – «исполнить собою то самое эсхатологическое пророчество, согласно которому Петербург должен рано или поздно исчезнуть» [11, с. 239]. В то же время Петербург задуман стать «европейским лицом России – в отличие от Москвы, где неизбежный душок азиатчины (этой извечной изнанки русской жизни – между Азией и Европой) со временем только крепчал» [11, с. 205]. Этот обратный дух и породил «изнаночное время». Город, по О. Шпенглеру, это «дух. Большой город – это свободный дух» [12, с. 99]. Этот дух независимости определил судьбу бабушки Дуни. И он же передан по наследству внучке как «неколебимая связь» с родным городом или завет: «Петербург – не город, а жизненная стратегия. Стратегия независимости» [11, с. 247] и приобщения к мировой гуманитарной культуре. Кумирами автора становятся Пастернак и Ахматова, Галич и Солженицын, Т. Манн, Г. Гессе, А. Платонов, М. Пруст, У. Эко, В. Вулф, Кобо Абэ и др. [11, с. 222, 271]. Кульминацией романа становятся слова автора о рождении в городе на Неве особого типа человека «*homo petersburgus*»а, для которого здешнее «нечеловеческое» пространство – живая, естественная среда» [11, с. 234]. Доминантным становится образ Исакиевского собора: «Эти улицы, дома, переулки – мне казалось, они собрались у стен Исаакия, чтобы, ёжась под невскими ветрами и припадая к его ступенчатому – на все четыре стороны света – подножью, просить защиты от варваров». Этот образ связан с тинейджерской юностью автора и его зрелостью, замыкая образ Петербурга–Ленинграда в романе: «Мои глаза видят небесную линию, над которой главенствует купол Исаакия. На него, как на маяк, я держу путь» [11, с. 229, 314].

«Стратегия независимости» в романе связана с особым городским топом Петербурга–Ленинграда как воплощения Города, Града и семейной памяти. «Город, где из-под каждой частной, человеческой судьбы проступают скрижали мироздания» [11, с. 243]. В какой-то степени «мы становимся «повторением» наших предков – их свойств, жестов, привычек». А в какой-то порываем с ними [11, с. 229]. Перед нами то, что другой современный автор называет «авторский способ существования», для Н. Венедиктовой, неотделимый от позиции маргинала, свободного в любом топосе и времени. «Собственный способ существования органичен для человека, как дыхание» и часто не требует внешнего выражения. «От подлинной глубинной жизни той или иной эпохи нам достаются случайные крохи из лирики, дневников или случайного жеста на фреске» [5, с. 40, 19, 49].

Современная литература, создаваемая вне жёстких идеологических рамок, очень жёстко оценивает результаты советской эпохи. Как размышлял в своих дневниках ещё один современник Е. Чижовой Марк Харитонов: «Царства возвышаются и падают». «Самым ценным, что остаётся в веках, видится нам жизнь отдельного человека. Самыми нетленными ценностями оказываются, как ни странно, ценности духа. Пока они витают в воздухе, пусть незаписанные, без имени создателя, – народ существует,

даже если земля его отнята, а святыни разорены» [9, с. 84–85]. За противостоянием человека и истории в XX веке стоит духовно–религиозный кризис. Недаром «бесчеловечную власть» в своём романе Чижова называет бесами, ларвами. М. Харитонов: «Они лишены были благоговения, благочестивого отношения к чуду и тайне жизни... И неудивительно, что они оказались способны проливать кровь, разрушать храмы». Лжерелигия утверждала реальность исторического абсурда: «хотели идти к благу за счёт чужих страданий, чужих жизней, которые объявлялись заранее несущественными, недостойными, второсортными, за счёт целых категорий людей, которых с самого начала предполагалось исключить или уничтожить. Это лежало в основе идеи – сознание своей исключительной правоты, классового превосходства победителей; категория побеждённых всё разрасталась: дворянство, духовенство, буржуазия, интеллигенция, кулаки...» [9, с. 274, 284].

«Изнаночное», «бесчеловечное» время приравнивало живых людей «к арматуре железобетонных конструкций», начиная «очередную кампанию по усилению или укреплению» [11, с. 168]. Человек был вторичен, а первичны интересы бюрократического государства, будь то первый этап советской эпохи с её тоталитарной этикой, будь второй, когда «жертвы были принесены», но длилось лживое, «загнивающее», «холостое» время [11, с. 264, 268, 247]. Результаты пути оценивает уже современный учёный: «Финал пути – замена этики её симулякром... Этическая и антропологическая катастрофы должны рассматриваться как главный итог российского общественного развития за прошедший век – итог процесса упадка, развязанного революцией 1917 г.» [10, с. 104]. Потому и становится в современной отечественной литературе очень важной тема исторической памяти, поколенческая тема.

#### Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – 1179 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Новое время, 1990. – С.23–69.
4. Булгаков С.Н. На пиру богов // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Новости, 1991. – С.91–156.
5. Венедиктова Над. Маргинал: культурологические раскопки // Знамя. – 2014. – № 1. – С.16-51.
6. Гарин И. Воскрешение духа. – М.: Терра, 1992. – 640 с.
7. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: Роман. – М.: Книжная палата, 1989. – 431 с.
8. Тарковский Андрей. Слово об Апокалипсисе // Искусство кино. – 1989. – № 2. – С. 95–100.
9. Харитонов М. Стенография конца века: Из дневниковых записей. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 448 с.
10. Хоружий С.С. Этапы большого пути: 1917 как веха исторического упадка России // Вопросы философии. – 2019. № 4. – С.94–107.

11. Чижова Е.С. Город, написанный по памяти: Роман. – М.: АСТ, 2019. – 315 с. Или: Звезда. –2018. –№ 10. –С.7–126
12. Шпенглер О. Закат Европы. Т.2. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ЕДИНСТВЕННЫМ УЧАСТНИКОМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ПОЛНОМОЧИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

**М. П. Нефедкина**

*Магистрант,  
Средне-Волжский институт (филиал),  
ВГУЮ (РПА Минюста России),  
г. Саранск, Россия*

---

**Summary.** The article discusses the essential characteristics of a «company of one person». To compare the features of these commercial organizations, the study compares Russian and foreign legal orders.

**Keywords:** rule of law; legislation; legal entity; institution; organization.

---

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью изучения специфики и содержания коммерческих организаций, образованных по принципу «компании одного лица».

В рамках нашего исследования обратимся к ситуации, связанной с правильным оформлением тех или иных решений высшего органа управления. А именно: требуют ли они обязательного подтверждения в силу ст. 67.1 ГК РФ? В. А. Микрюков в своей работе детально рассмотрел данный вопрос. Он пришел к следующему выводу, согласно которому в российском законодательстве этот процесс не определен в отношении хозяйственных обществ с единственным участником. Однако, считает исследователь, на эти специфические разновидности юридических лиц не должны распространяться правила об обязательном подтверждении решений.

Анализируя данную точку зрения, необходимо определить аргументы, доказывающие или опровергающие такие суждения. Довод в пользу необязательного нотариального оформления принимаемых решений заключается в том, что в отдельных законах о коммерческих обществах говорится следующее: в ситуации, когда общество состоит только из одного лица, на него не распространяются особые правила о сроках, порядке, подготовке общего собрания и т.д. (ст. 39 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 47 ФЗ «Об акционерных обществах»). Данные решения принимаются единолично и оформляются всегда письменно. Об этом же содержится информация в «Обзоре судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 4 (2016)».

Доводы в пользу противоположной точки зрения гласят:

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 закрепило данное обязательное правило для всех хозяйственных обществ, однако, отдельно не выделяя «компании одного лица».

2. В Гражданском кодексе РФ не содержится исключений для таких юридических лиц.

3. Из положений федеральных законов о нераспространении правил, касающихся определения сроков и порядка созыва собраний на общества, состоящие из одного лица, не уточняется и правила по оформлению таких.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на такие противоположные точки зрения о подтверждении принятых решений одним лицом, все же на практике существует признание обязательности наличия нотариального удостоверения, хотя встречаются и такие случаи в судебной практике, которые подтверждают правомерность первой точки зрения, где был признан неверным отказ регистрирующего органа в регистрации изменений из-за отсутствия нотариально удостоверенных документов.

Ко всему вышеперечисленному стоит добавить, что судебная практика обычно идет по пути признания надлежаще оформленные принятые решения, если волеизъявление единственного участника выражается не в решении, а в форме иного документа. Определяющим фактором выступает именно направленность воли учредителя и наличие определенных условий в принятом документе.

В англо-американской же системе более организованная и упорядоченная система контроля над принимаемыми решениями, в отличие от России. Например, в США в «Законе об иностранных инвестициях и национальной безопасности» имеется присутствует система запретов на отчуждение акций иностранным лицам. Это правило может применяться и в отношении принятие такого решения «компаниями одного лица». Суды в США [4, 5] настороженно относятся к таким спорам, где фигурируют эти юридические лица. Факт исполнения обязательства самой организацией, а также допустимость реализации принятых ответственных решений может ставиться под вопрос при наличии допустимых доказательств о том, что данные действия осуществлялись не самой компанией, а ее акционером и не в корпоративных, а личных интересах.

В Законе Германии «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] не закреплены нормы об особенностях принятия таких же решений «компаниями одного лица». В нем содержатся лишь общие, фрагментарные положения о форме их вынесения (письменная форма), а также о способах голосования (доля определяется в Евро и равна одному голосу), об отстранении участников от голосования путем судебного решения и т.д. То есть здесь обычно применяются нормы в отношении «компаний одного лица», а также в части, не противоречащей закону.

Таким образом, обратим еще раз внимание на то, что в ряде суверенных стран есть некоторые ограничения, связанные с принятием и утвер-

жений особых решений «компаниями одного лица». Это в первую очередь зависит от природы данного решения и сущности самого юридического лица, которым управляет лишь один участник. Благодаря тому, что внутри организации управление является полномочным, никто не имеет право вмешиваться в решение учредителя коммерческой организации, у государств появилась необходимость на законодательном уровне закрепить некоторые запреты для поддержания особого правопорядка и тем самым предотвратить нарушения интересов иных или других лиц. Однако, следует учитывать, что нарушения все-таки случаются, поэтому в настоящее время существует потребность в том, чтобы перенять у стран с более эффективным регулированием правоотношений модель корпоративного контроля в «компаниях одного лица».

### Библиографический список

1. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – ст. 785.
2. В сфере корпоративного права, регулирующего частные компании с ограниченной ответственностью с одним участником (кодифицированная версия) [Электронный ресурс]: директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 16.09.2009 №2009/102/ЕС ред. от 13.05.2013 // СПС Консультант-Плюс.
3. О компаниях [Электронный ресурс]: закон Китайской Народной Республики (КНР) от 29.12.1993 ред. От 01.03.2014. // Законодательство Китая. – Режим доступа: <http://chinalawinfo.ru>.
4. О предпринимательских корпорациях штата Нью-Йорк [Электронный ресурс]: закон от 30.07.1963. // Электронная библиотека документов Авалон. – Режим доступа: <http://avalon-law.ru>.
5. О предпринимательских корпорациях [Электронный ресурс]: модельный закон США от 1985. // Конституция и законодательные акты США. – Режим доступа: <http://www.pravo.vuzlib.su>.



**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ  
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,  
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ  
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»  
В 2020 ГОДУ**

<b>Дата</b>	<b>Название</b>
1–2 марта 2020 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2020 г.	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
15–16 марта 2020 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2020 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2020 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2020 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2020 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2020 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2020 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2020 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2020 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2020 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2020 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2020 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2020 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2020 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2020 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2020 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2020 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2020 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2020 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2020 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2020 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2020 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2020 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2020 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2020 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2020 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2020 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2020 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2020 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2020 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2020 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2020 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2020 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2020 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.

5–6 ноября 2020 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2020 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2020 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2020 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2020 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2020 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2020 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2020 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

## ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> <li>• РИНЦ (Россия),</li> <li>• Directory of open access journals (Швеция),</li> <li>• Open Academic Journal Index (Россия),</li> <li>• Research Bible (Китай),</li> <li>• Global Impact factor (Австралия),</li> <li>• Scientific Indexing Services (США),</li> <li>• Cite Factor (Канада),</li> <li>• International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия),</li> <li>• General Impact Factor (Индия),</li> <li>• Scientific Journal Impact Factor (Индия),</li> <li>• Universal Impact Factor</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Global Impact Factor – 1,721,</li> <li>• РИНЦ – 0,075.</li> </ul>
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Research Bible (Китай),</li> <li>• Scientific Indexing Services (США),</li> <li>• Cite Factor (Канада),</li> <li>• General Impact Factor (Индия),</li> <li>• Scientific Journal Impact Factor (Индия)</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Global Impact Factor – 0,915</li> </ul>
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Research Bible (Китай),</li> <li>• Scientific Indexing Services (США),</li> <li>• General Impact Factor (Индия)</li> </ul>	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Research Bible (Китай),</li> <li>• Scientific Indexing Services (США)</li> </ul>	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Research Bible (Китай),</li> <li>• Scientific Indexing Services (США)</li> </ul>	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Research Bible (Китай),</li> <li>• Scientific Indexing Services (США)</li> </ul>	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Research Bible (Китай),</li> <li>• Scientific Indexing Services (США)</li> </ul>	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –  
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии  
(в выходных данных издания будет значиться –  
**Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»**)  
или в России  
(в выходных данных издания будет значиться –  
**Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»**)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES  
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –  
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic  
(in the output of the publication will be registered

*Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»*  
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

*Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»*)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»  
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work  
Kama Institute of Humanities and engineering technologies  
Penza State Technological University  
New Bulgarian University

## **SOCIETY, CULTURE, PERSONALITY IN MODERN WORLD**

Materials of the X international scientific conference  
on February 16–17, 2020

Articles are published in author's edition.  
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 25.02.2020.  
60×84/16 ve formátu.  
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 4.  
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:  
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)  
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika  
Tel. +420773177857  
web site: <http://sociosfera.com>  
e-mail: [sociosfera@seznam.cz](mailto:sociosfera@seznam.cz)